

Владимир
Малявин

Корни и крона

ИТАЛЬСКИЙ МИР

予作是後學於世有迄今已廿七年矣昔蓋公為材木以見材樹
之性也獻之說不日擬而轉贈陳石風明常熟才士為士
林之石木則予之誦枋也者前于蓋公而不及後賢長言

我聞東海鑿玉閭山中有樹青瑤林牙不直上有奇氣
久幸滿身雲霧俱無復自以國士許况是昔時種大夫
人間草木各適用大材必待明堂與鳴呼大材必待
明堂傾不子懷榆論區、

敬之制先生達揚村士表美于子識于北蘇其
因雪冬天特秀圖備訂贈之已方記用

Владимир Малявин

Китайский мир. Корни и крона

«РИПОЛ Классик»

2024

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Малявин В. В.

Китайский мир. Корни и крона / В. В. Малявин — «РИПОЛ
Классик», 2024

ISBN 978-5-38-615292-5

Новая книга В.В. Малявина — всестороннее исследование китайской культуры, всего жизненного уклада Китая в их историческом развитии, мировоззренческом единстве и локальном разнообразии. Автор выявляет условия формирования и упадка традиционной китайской цивилизации и перехода к современному общественному сознанию. Изложение дополняется многочисленными иллюстрациями и цитатами из литературных памятников. Каллиграфические надписи в архаическом стиле приносят «аромат древности», без которого невозможно представить наследие старого Китая. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-38-615292-5

© Малявин В. В., 2024
© РИПОЛ Классик, 2024

Содержание

Об изучении Китая в России	7
Предисловие В.В. Малявина к книге «Китайская цивилизация»	10
Вступительные замечания	11
Китайская голограмма	12
Тайна всех времен	17
«Среди людей на небесах»	21
Заключение: о корне и кроне Китая	26
Глава 1	28
Рельеф, климат, недра	29
Физическая география	29
Люди и стихии	38
Природные ресурсы	46
Сельское хозяйство	48
Типы земледелия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Малявин

Китайский мир. Корни и крона

Татьяне, обрученной со мной в жизнь вечную

На обложке воспроизведена картина Шэнь Чжоу (1427–1509)

«Красота, достающая до неба»

#####

РИПОЛ
КЛАССИК

© Малявин В.В., текст, иллюстрации, 2024

© Усольцева Е.С., каллиграфия, 2024

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2024

Об изучении Китая в России

К.В. Бабаев, директор Института Китая и современной Азии РАН

Интерес к Китаю как в нашей стране, так и во всем мире сегодня носит без преувеличения взрывной характер. Десятки миллионов человек берутся за изучение китайского языка, бизнесмены по всему миру интересуются партнерством с китайскими компаниями, а мировые средства массовой информации новости о событиях в китайской экономике, внутренней и внешней политике Китая ставят на первые полосы.

Это вполне закономерно: Китай на глазах становится крупнейшей экономикой мира, активизирует свою дипломатию, инициирует амбициозные международные проекты, представляет миру головокружительные достижения своей промышленности и науки, технологии и спорта. Кого-то в мире Китай пугает, кто-то относится к нему настороженно, но эти эмоции происходят прежде всего из недопонимания специфики страны, ее культуры, образа жизни и мысли. В течение многих лет (и даже веков) Китай оставался довольно закрытой экосистемой, развивавшейся «в себе», и его неожиданный для многих выход на мировую арену стал, пожалуй, самым удивительным трендом истории человечества в начале XXI в.

Для нашей страны и нашего общества Китай особенно важен. В последние годы КНР стала не только крупнейшим экономическим контрагентом нашей страны, объем торговли с которым растет ежегодно, но и самым важным стратегическим партнером в сфере международных отношений. Лидеры наших стран за последнее десятилетие встречались десятки раз, постоянно ширятся контакты между правительственными учреждениями, коммерческими компаниями, научными и образовательными центрами, культурными организациями. В процессе «поворота России на Восток», происходящего во всех сферах российской внешней и внешнеэкономической деятельности, Китай играет важнейшую роль.

Однако задача сближения с нашим великим восточным соседом затрудняется тем, что мы по-прежнему очень мало знаем о том, что такое Китай. Каждый из нас может вспомнить с десяток великих итальянских художников – но даже россиянин с хорошим высшим образованием вряд ли назовет имя хоть одного китайского живописца. Наши дети на уроках истории изучают одного из другим французских и британских монархов, но выпускник средней школы задумается, прежде чем вспомнить хотя бы две-три династии китайских императоров. Мы плохо знаем китайское кино, китайскую популярную музыку, театр. Большинство россиян весьма слабо представляют себе историю древнейшей из существующих мировых цивилизаций, непрерывно существующей не менее 4000 лет. И хотя интерес ко всем аспектам китайской культуры быстро растет – начиная с кухни и заканчивая традициями духовно-соматического совершенствования, – все же в целом можно сказать, что средний россиянин вряд ли может пока ответить для себя на вопрос «Что такое Китай?»

Разумеется, этот недостаток знаний негативно влияет и на практическое сотрудничество между нашими странами. Представители органов федеральной и региональной власти не до конца понимают потребности и ограничения Китая по взаимодействию с Россией и нередко строят планы сотрудничества, весьма далекие от действительности. Предприниматели, массово отправляясь за поиском деловых партнеров в Китай, не знают деловой культуры, языка, традиций ведения бизнеса и поэтому зачастую не могут выстроить эффективного взаимовыгодного партнерства. То же самое касается и контактов в гуманитарной сфере, в сфере науки и образования, туризма и спорта. Мы узнаём Китай постепенно, методом проб и ошибок, и этот процесс займет еще годы.

Институт Китая и современной Азии РАН как ведущий в России центр изучения современного Китая и российско-китайских отношений считает важным всемерно содействовать

решению этой важной исторической задачи. Мы обязаны помочь и российскому государству, и бизнесу, и обществу открыть для себя удивительный мир китайской культуры, традиций и ментальности.

Эту работу мы ведем по нескольким направлениям: помогаем Правительству России формировать стратегии и планы развития межгосударственных отношений с Китаем, готовить важные государственные визиты; направляем в органы власти аналитические справки и доклады по важнейшим тенденциям и событиям в Китае и вокруг него; консультируем российские корпорации по вопросам развития бизнеса на китайском рынке или с китайскими партнерами; формируем и запускаем курсы дополнительного образования и аспирантуру для молодых специалистов и многое другое. Мы помогаем региональным школам и вузам запустить образовательные программы по китайскому языку, культуре, истории, экономике и бизнесу Китая. Сегодня уже около десятка университетов по всей стране являются нашими партнерами в этой области, и их число продолжает быстро расти, так как все больше вузов испытывают спрос в качественном образовании в области китаистики. Мы активно продвигаем в органах власти идею повышения роли востоковедения в школьном и вузовском образовании, потому что настоящий «поворот на Восток» невозможен без хороших специалистов.

Однако самое важное, что мы можем сделать для решения просветительской задачи сближения народов России и КНР, – это опубликовать наши труды о Китае и российско-китайских отношениях. С этой целью в ИКСА РАН издается научный журнал «Российское китаеведение» – флагманское периодическое издание сообщества профессиональных китаеведов, – а также ряд других изданий, исследующих политику, общественную жизнь, экономику и бизнес, новейшую историю и культуру Китая. И все же нашим важнейшим продуктом всегда являлись книги.

Ежегодно наш Институт выпускает несколько десятков индивидуальных и коллективных монографий, посвященных политической, экономической и культурной жизни в странах Азии, прежде всего в Китае. Именно здесь родились такие значительные, прорывные коллективные труды, как десяти томная «История Китая», завоевавшая Государственную премию энциклопедия «Духовная культура Китая» и много других. При этом мы считаем, что научные и научно-популярные труды о наших восточных соседях одинаково важны для развития нашей страны и повышения наших знаний.

В ряду таких работ, оставляющих заметный след во всей российской науке, стоит книга В.В. Малявина. Это без преувеличения важное событие в научной и общественной жизни страны. Книга, которую вы держите в руках или читаете с экрана, вышла в свет благодаря программе фундаментальных научных изданий Института Китая и современной Азии РАН и, уверен, станет очень важным подспорьем для всех россиян, которые хотели бы познакомиться с великой китайской культурой и ее историей. Причем познакомиться далеко не поверхностно: книга проводит читателя через все основные аспекты классического китаеведения, включая историю, философию и религию, культуру и искусство. Однако самое существенное, что эта книга погружает нас в сознание жителя Поднебесной, его понимание места человека в государстве, в обществе, взаимоотношениях между людьми.

Не обладая этим пониманием, не проникнув взглядом в китайскую душу – не менее загадочную, чем русская, – практически невозможно выстроить эффективное взаимодействие с китайскими партнерами на любом поле, будь то дипломатия или бизнес, профессиональное взаимодействие или человеческая дружба. Дело в том, что китайская культура сильно отличается не только от нашей, но и от привычных нам культур стран Европы, на которых мы росли и учились с детства. В ней многое восхищает, но еще больше удивляет и не дает покоя, если не докопаться до самой сути отдельных традиций, обычаев и явлений. Их мало узнать – о них нужно задуматься. Как верно заметил Конфуций, учение без размышления бесполезно, размышление без учения опасно. Книга В.В. Малявина о корнях и кроне китайской культуры –

это удачное сочетание фактов и размышлений, которые помогут читателю, в свою очередь, многое узнать и еще больше осмыслить.

Китайское самосознание складывалось в течение многих веков, причем основным источником его во все времена была литература. Жители Китая воспитываются на древнем наследии своей письменной культуры, где уважение не только к литературному произведению, но и к самому иероглифу всегда стояло чрезвычайно высоко. Именно поэтому для полноценного общения с китайским собеседником мало обладать языковыми навыками: свободного знания языка никогда не будет, если не иметь представления о древних авторах и героях знаменитых классических романов, не знать десятков и сотен устойчивых выражений и пословиц, которые накапливались в китайском дискурсе в течение трех тысячелетий и употребляются в живой речи повсеместно, не обладать знаниями об основных трудах конфуцианских, даосских, буддийских корифеев мысли.

Все эти сложные и древние аспекты китайской культуры российскому читателю, чья профессиональная или частная жизнь связана с Китаем, необходимо представлять хотя бы в общих чертах. И могу с уверенностью сказать, что одной фундаментальной монографии такого крупного специалиста, как В.В. Малявин, будет вполне достаточно для того, чтобы влюбиться в Китай, ощутить непреодолимую притягательность его культуры и приготовиться к более глубокому знакомству с Поднебесной, а это может продолжаться всю жизнь.

Предисловие В.В. Малявина к книге «Китайская цивилизация»

Нарисовать в рамках одного тома и силами одного человека полную и совершенно объективную картину одной из самых древних и утонченных цивилизаций мира – цель едва ли достижимая. Поэтому было бы уместно сразу сказать о том, что, по мнению автора, эта книга может или призвана дать читателю.

Познание чужой культуры, подобно занятию философией в известном определении Аристотеля, чаще всего начинается с удивления и – увлечения ее экзотическими прелестями. Мы беспечно любимся курьезами китайского искусства и быта, мы снисходительно каталогизируем странности китайского миропонимания, пока вдруг не обнаруживаем, что эти красочные узоры почти фантастической жизни, сотканные из «китайских церемоний» и «фарфоровых павильонов», – всего лишь чешуя на теле гигантского дракона, несравненно более могучего и великого, чем наши самые смелые мечты. Тогда мы оказываемся перед трудным выбором: принять или отвергнуть эту удивительную культуру всю целиком. Обязательно целиком, ибо уже понимаем, что открыли для себя мир единый и цельный до последнего нюанса, во всех своих явлениях проникнутый одной волей, одной жизнью.

Подлинная сила китайской, как и любой национально определенной культуры (а другой в истории и не бывает), проистекает из поразительной внутренней преемственности ее форм, из неоспоримой, выверенной опытом сотен поколений стилистической последовательности. Это единство, которое разворачивается с убедительностью и свободой, свойственными росту живых существ – столь же вольному, сколь и неизбежному. Оно идет не от ума, не от доктрины. Его корень – в безупречном доверии к силе самой жизни, одновременно по-детски наивном и бесконечно мудром. Инстинкт, просветленный сознанием, и сознание, примиренное с инстинктом, – вот альфа и омега китайской мудрости, секрет необычайной жизненности наследия Китая еще и в наши дни. Это наследие бросает вызов современному человеку (не исключая и современных китайцев). Ответ на него многое определит в судьбе человечества.

Настоящая книга имеет целью не только дать справку или разрешить тот или иной вопрос, относящийся к истории китайской цивилизации, но и привести в известном смысле к прямо противоположному результату: помочь читателю лучше осознать глубочайшую проблематичность человеческого бытия, приняв факт неизбежности и неизбывности соприсутствия в нашей жизни другой культуры, другой идеи человечности. В конце концов прошлое будет для человека живым, только когда оно будет для него неудобным.

2000 г.

Вступительные замечания

Китайская голограмма

Существует простой способ нащупать дорогу к познанию тайн китайской цивилизации. Он состоит в том, чтобы не опираться на данные рассудка, оппозицию субъекта и объекта и умозрительные принципы знания и действия, не искать соответствий между понятиями и действительностью, идеями и явлениями. Одним словом, отречься от всего того, что со времен древних греков было прочной основой философии и науки в Европе. Что в таком случае остается в распоряжении того, кто хочет познать мир? По европейским понятиям очень немного, но как раз это немного составляет почти весь арсенал китайской мысли. Последняя полагается на априорную целостность восприятия, бесконечно разнообразный калейдоскоп мыслей, образов и чувств, нераздельность воображаемого и действительного, даже своего и чужого. С младенческой наивностью китайская цивилизация сохранила верность простейшей данности или, точнее, исконной заданности жизненного опыта. Но недаром сказано: в опасности – спасение. Эта детская непосредственность обеспечила Китаю самую долгую жизнь среди мировых цивилизаций. Здесь таится ее сокровенный, никем и никогда не названный и, возможно, как раз поэтому вечно живой корень. А невозможность его определить придает всем явлениям китайской жизни статус его кроны – пышной и многокрасочной, как сама жизнь, и, как всякая крона дерева, скрывающей его ствол.

Там, где нет отвлеченных идей и принципов, царит свободная множественность, рассыпающаяся бесчисленными брызгами жизни – бездной деталей и нюансов мира. Там в отсутствие мнимой многозначительности каждое мгновение абсолютно и самодостаточно, а познание сводится к осознанию все более мелких и тонких, уже недоступных ни восприятию, ни умозрению моментов существования. Там нет бытия, а есть только событие, именно со-бытие и в пределе – всеобъемлющая событийность. В пространстве со-бытия каждая вещь есть одновременно и нечто другое, существует в своем пределе и удостоверяет свою подлинность, обнажает свою природу в момент своего превращения, перехода в нечто иное. В нем все присутствует ровно настолько, насколько отсутствует, все вещи существуют под знаком исчезновения, рассеивания, все воспринимаемое эфемерно (главный источник вдохновения китайских поэтов), но все вещи удостоверяют себя именно в пределе существования, их природа есть их новизна, способ их явления в новом виде. Великий путь жизни, гласит древнее китайское изречение, есть «то, чем люди пользуются каждый день, а о том не ведают», и он есть «каждодневное обновление».

Главное свойство превращения – сообщительность, пронизываемость (*тун*), открытость воздействию вне причинно-следственных связей, что в духовной жизни человека соответствует необычайно обостренной чувствительности, непрерывному бодрствованию. Сообщительность не конструируется, а только случается, как спонтанный исход сопряжений силового поля, подобный вспышке молнии в грозовом небе. Предел всех превращений совпадает с духовностью, которая, согласно классическому определению, «стремительна без торопливости и в соприкосновении всё пронизывает». Аффект – способ бытийствования бытия. О нем сообщает другая классическая формула: «соответствовать вещам в том, что таково само по себе» (*ин у цзы жань*). Там, где абсолют сходится с единичностью бытия, вещи (в сущности, моменты трансформации в мире) существуют «сами по себе» (*цзы жань*), «сами превращаются» (*цзы хуа*). А сущее «само по себе» объединяет два полюса бытия: предельную конкретность мгновения и универсальный принцип или, точнее, принцип не-принципа всего сущего.

В мире событийности ничто не равно другому. В нем есть только различие, разрыв, вездесущая несоизмеримость, бескрайняя инаковость, которая отличается даже от самой себя. Но если вещи никогда не тождественны, они, по крайней мере, равны и едины в самом акте превращения. Мир, превратившийся в пыль вселенских метаморфоз или, как говорили в Китае, «чащу тьмы образов», неожиданно обретает единство – правда, никогда не равное себе, все-

гда *другое*. Так мы открываем в событии некую внутреннюю глубину, или по-китайски «ось Великого Пути», связывающую явленное и ноуменальное, случайное и «судьбийное». В хаотической цельности этого высшего события превращение малейшей песчинки равнозначно мировой катастрофе, «взмах крыльев бабочки в Шанхае порождает бурю в Нью-Йорке». Мы открываем иной, противоположный и умозраительному, и чувственному образам мира порядок мироздания, одновременно сокровенный и неотделимый от актуальности существования. Так мы приходим к пониманию брошенных однажды Николаем Рерихом слов о том, что на бескрайних просторах Азии «быль и тайна нераздельны». Мы начинаем понимать и незыблемую приверженность китайцев к тайне и таинственности речи независимо от того, что за ними скрывалось (а скрывалось, конечно, очень разное). Присутствие иного порядка в знакомом и понятном, небесной глубины вещи в ее земном обличье – главная тема и одновременно вечная загадка страны, опоясавшей себя Великой стеной.

Китайский мир – вселенский кристалл, в бесчисленных гранях которого разлит потайной свет, и всё во всем преломляется и отражается. Здесь каждое превращение на самом деле подтверждает некую сокровенную преемственность, вечно отсутствующую целостность существования и, как в монадологии великого синофила Лейбница, сводится к смене угла зрения, обновлению жизненного мира. Нет ничего более постоянного, чем кипящая бездна событийности. В полноте и прозрачности китайской голограммы жизни в конечном счете стирается даже различие между корнем и кроной.

Если реальность, или всеобщий путь жизни, существует в модусе самосокрытия, то очередная «утонченность» китайской диалектики состоит в том, что соккрытие в своем логическом пределе совпадает с безусловной явленностью мира, полной открытостью самой открытости бытия. Эта явленность, очевидно, не имеет ничего общего с миром объектов. Она предстает своей, так сказать, превращенной формой: собственным декором, узором, тенью, следом. Она есть мир в мире, безупречное подобие самой себя, вездесущая, неустраняемая мнимость. Можно убрать вещь, но невозможно устранить тень вещи. Как раз поэтому, как говорили китайцы, высшая реальность (которая есть только мировой круговорот и в пределе – пустота) «не может устранить вещи». Нет ничего выше актуальности существования «здесь и сейчас», ничего выше *этого* мира. Но мир не просто сложен, он сложен из себя и в себя складывается, хранит в себе незримую глубину самоподобия, бездну инаковости.

Дело сверши, а сам отойди: вот путь небесный.

Лао-цзы

應物自然

Когда всё есть, ничего нет. Когда ничего нет, всё есть.

Афоризм мастеров Тайцзицюань

Итак, в китайском мире нет отдельных сущностей, в нем есть только отношения между вещами. Его подлинное ядро – взаимодействие, встреча, совместность полюсов бытия, которые во взаимном проницании обосновывают и, более того, восполняют друг друга. Но это означает также, что они взаимно утверждают свою самобытность, ведь мы, напомним, пребываем в океане множественности. Подлинная встреча требует умения уступить, чтобы дать быть другому. Она воспитывает, как говорил Е.Л. Шифферс, *нежное* отношение к бытию.

Чтобы быть, надо не быть; чтобы остаться, надо уйти – вот глубочайшая правда Китая. Ответ китайцев на нее прост и ошеломителен: не надо выбирать между тем и другим. Мудрый умеет быть в своем небытии и оставаться в своем уходе. Поэтому китайскую мысль интересуют не предметы и сущности, а соотношение и даже, точнее, сама соотносительность разнородных сил, которая, как всякое отношение, требует не идеи, а стиля, не понимания, а сочувствия. Актуальность всегда задана в слитности прошедшего и грядущего или, как выражается патриарх китайского даосизма Лао-цзы, того, что «уже имеет» имя и «еще не имеет» имени. Язык служит посредованию того и другого, и китайский язык с его скудостью морфологии и синтаксиса и, как следствие, неспособностью выстроить обосновывающий сам себя мир «дискурса», благоприятствует открытости миру и всякой динамике жизни. В свою очередь, китайская иероглифика являет наглядный образ интерактивного пространства, неформальной совместности вещей, в которых нет предметов и соответственно имен вещей и главный вопрос не «что», а «как». Об этой реальности можно говорить только иносказательно и в ироническом модусе. Намек и ирония – условия «сердечного» общения, которое китайцы так высоко ценили, противопоставляя его формальному «обмену информацией».

Впрочем, если всякая речь есть иносказание, то последнее само становится нормой. Здесь кроется причина столь же ревностной приверженности китайцев к нормативности речи вплоть до их почти полной невосприимчивости к юмору в европейском понимании – как демонстративному перевертыванию смыслов. Отсюда и твердая вера китайцев в преображающую силу ритуала с его строгой нормативностью жестов, слов и даже образа мыслей.

Ясно, что указанная «связь без связи» не может быть отношением между объектами и вообще не может быть локализована. Она превосходит хронологию и воплощает сокрытую в цепи превращений преемственность чистого качества вне формы и субстанции. Истинный смысл традиции – в неуклонном уклонении, трещине в опыте, вариации неназванной темы и превыше всего в бесконечно малой дистанции «отличия себя от себя». Вечнопреемственность духа есть на самом деле дифференциал вечно длящегося – точнее, непрерывно возобновляющегося, – действия, которое дается только в его мгновенных и бесконечно разнообразных явлениях, и эти явления имеют статус отчужденного следа, отблеска, тени. Теперь мы можем понять подлинную природу превращения-события: оно есть неповторимое, спонтанно возникающее сопряжение полярных величин, но в нем есть глубина, *иной* (другой и всеобщий) порядок бытия, в котором единичное становится единым. В этой глубине подтверждаются, извечно возобновляются вечноточные качества жизни. Наиболее универсальным примером события в китайской традиции (а мы имеем дело с самим существом традиции) как раз и является «сообщение» (*тун*) или скрещенье (*цзяо*) Неба и Земли – главное условие творческого процесса мироздания. Еще раз: в пространстве события мысль сливается с аффектом и всегда вовлечена в чистое, совершенно неопределенное движение, в котором лишь смутно угадываются семена грядущих явлений. Речь идет о «пустом», внесубъективном, но внутренне полном акте самопревосхождения, который есть поиск все более тонкой общительности в сообщении, все более точной прямизны в прямоте.

«Течение вещей всё пронизывает».

Надпись в храме, пров. Шаньси. Фото автора

В общественной практике указанный путь внутреннего самопревосхождения соответствует ритуальному действию – центральной категории китайской традиции. Именно ритуал, воспитывая дисциплину *сознательного действия*, учит «выправлять выправление», «свершать свершение», «оставлять оставление» и выявляет внутреннюю глубину опыта по ту сторону противостояния субъекта и объекта. Главное требование китайской традиции как раз и состоит в том, чтобы преодолеть границы индивидуальной личности, не нарушая цельности духа и даже усиливая эмоциональный тонус жизненных переживаний. В китайской мудрости событийности мы имеем дело с истинностью не субъекта или сущности, а действия или состояния (то и другое слабо различаются в китайском языке); истиной телесного присутствия с его игрой явления и сокрытия (китайское искусство и даже политика дают здесь много ярких примеров). Жить под знаком «как бы» значит непрерывно преодолевать себя, играя себя, быть открытым иному, в конечном счете – бездне метаморфоз мира. Вот почему, в отличие от Запада, мысль о том, что богов делают божественными сами люди в *игре ритуала*, в Китае не звучала кощунственно и не давала ни малейшего повода для цинизма.

Итак, ритуал удостоверяет отношения между вещами в потоке бытия. Поэтому он указывает на то, что пребывает «между сущим и несущим», и оперирует символами этой между-бытности, неуловимого промелька реальности. Соответственно, китайская мудрость есть рефлексия о том, что не просто дано, но всегда уже задано знанию и опыту и в то же время всегда грядет, предвосхищается чутким духом, подобно тому как внезапное затишье в природе с несомненной ясностью предвещает наступление бури. Китайская мысль не интересовалась умозрительным знанием, была размышлением не о себе, а об отношениях между людьми и ставила своей целью надличностную, всечеловеческую просветленность духа, что требовало как бы внеличной рефлексии, выведения опыта на свет сознания, открытого всем глубинам жизни. Язык здесь оказывался средством обозначить отсутствующее и использовался в иносказатель-

ном ключе; это язык не определений и даже не описаний, а ино-сказания: всегда иного сказания и сказания о вечно Ином. В нем слово всегда замещает другое слово, все именуется вместо другого – но точно установленным, единственно возможным способом!

Как известно, главное свойство ритуала – учтивость, предупредительность, *обходительность* поведения. Он учит жить вместе с другими и в известном смысле в месте другого. А как действие предупредительное, он учит предвосхищать грядущее. Ритуал – мера совместности и соотнесенности людей, средство и способ взаимодействия с общественной средой, обживания мира, «оспособления» природных задатков. Он требует неразрывного и притом выверенного, культивированного, *утонченного*, одновременно символического и реального единства сознания и тела.

Предписывая каждому его особое место, ритуал объединяет людей, в то же время разделяя их, что значит: он объединяет в опыте внутренней самодостаточности. В ритуале встреча исключает формальное равенство индивидов и, следовательно, соперничество между ними. Она соединяет людей в акте, как уже говорилось, самопревосхождения, которое требует первым делом взаимной уступчивости. Не абстрактная идея, а качество жизненного опыта, создающее личностный стиль, лежит в основе китайской традиции. Китайцам важна не объективная истинность суждения, а личность того, кому оно принадлежит, и вещи они ценили прежде всего за то, что те несли на себе печать личности их владельца.

Итак, реальность в китайской традиции – это не идея, не форма, не субстанция или сущность, а отношение между двумя моментами бытия, по отдельности нереальными. «Вещи вмещаются друг в друга» – гласит китайская максима. Миру мир. Но мир искони хранит в себе мир. Следовательно, бесчисленные превращения вещей равнозначны одной вечносущей Вещи, подобной функциональности всех функций. Превращение должно превратиться и так указать путь к «великому превращению» (*да хуа*): высшему порядку жизни, по сути невысказанному, но переживаемому с полной убедительностью. В ритуальном жесте уступления мудрый не только высвобождал пространство для всеобщего порядка вещей, но и возвращался, возвращал себя к своему подлинному бытию. Оправданием существования человеческого и в особенности его личностного развития здесь служит достижение внутренней полноты и самодостаточности в собственном... отсутствии, в моменте само-преодоления. Здесь человек подобен себе именно тогда, когда не похож на себя, не принадлежит себе. В категориях китайской мысли это означает, что чем более человек принадлежит Небу, тем более он... человечен.

Тайна всех времен

Умственные принципы должны свершиться в истории. Вне истории даже самые бесспорные истины останутся пустой химерой. Сказанное выше об основах китайской цивилизации подводит к пониманию принятого в ней взгляда на исторический процесс и его внутреннюю логику.

История и собственно историческое сознание рождаются, когда появляется разделение прошлого и настоящего. Примечательно, что оппозиция «древнее–настоящее» была в Китае названием истории вообще. Историю пишут *ab ovo*, «от яйца», но исток опыта с неизбежностью осознается как нечто забытое, безвозвратно утраченное. Память незапамятного, интуиция забытья заставляют человека осознать, что он конечен, и тем самым... создают человека. Поистине, человек становится собой тогда, когда открывает свою бренность, смертное в себе. Последнее и есть то начало, архе, или по-китайски «великая древность», которой никогда не было, но которая существует всегда и делает возможной историю. Архе – это начало без конца.

Здесь пролегает главный водораздел между западным и китайским взглядами на историю. В Европе история стала полем развертывания ее интеллектуалистской философии. Она мыслилась как синтез эмпирического наблюдения и умозрительных истин. В древней Греции к истории относили только реально пережитые события, имевшие назидательный смысл, и в этом отношении история противопоставлялась мифу – рассказу или преданию, не имевшим основания.

Китайская традиция, как уже говорилось, с детской наивностью доверилась актуальности опыта, которая переживается тем более убедительно, чем менее она выразима в словах и поэтому может быть обозначена только иносказательно. Соответственно, история в китайском понимании раскрывается в спонтанной совместности сокрытого начала, забытой древности и чистой явленности декора, узора, следа исчезнувшего. То и другое находятся вне субъектно-объектных отношений и не предполагают ни диалектического синтеза, ни последовательного развития. Они находятся в отношениях, так сказать, свободной совместности и неопределимым, поистине «чудесным» (*мяо*) образом напрямую преломляются, перетекают друг в друга. Общим для них являлось как раз то, что недоступно рефлексии: чистая актуальность существования и бессодержательная декоративность. Одно сходилось с другим в акте записи, отчего все записанное обретало действенность на все времена. Эта действенность подтверждалась каждым новым пересказом, ссылкой, комментарием и т. п. Существование вещей приобретало характер редактирования, обработки, стилизации изначально заданного. Соответственно, в отличие от Запада, история в Китае основывалась не на рассказе, а на письменном наследии, была плодом чтения и понимания и, значит, по сути, типизации аморфной целостности опыта. И чем древнее и, заметим сразу, загадочнее было это наследие для его восприимчивиков, тем большим авторитетом оно обладало в их глазах.

Хорошим примером, поясняющим эту непривычную для европейцев черту китайского исторического сознания, служит отсутствие в китайской традиции чего-либо подобного эпическому повествованию. Эпос и самое понятие исторического события в Китае заменила книжная аллюзия, нескончаемое ветвление смысла в необозримой глоссолалии китайской словесности – этого ближайшего прототипа культурной «кроны». Другой пример – глубинная преемственность иероглифической письменности, петроглифов и «письмен природы» от естественной фактуры камней до многообразия форм жизни. Явление того же порядка – слитность природного рельефа и руин крепостей и зданий по всей Восточной Азии. Таково еще одно проявление фундаментального для ландшафта этого региона принципа «согласного единения небесного и человеческого».

Китайская традиция не могла и не стремилась преодолеть эту первозданную целостность природно-человеческой жизни. Ее единственным заданием было возвращение к забытой и извечно забываемой полноте опыта, соотносимой с «высокой древностью» или даже, как выразился даосский патриарх Лао-цзы, «пределом древности». Она была концом без начала – неизбежным дополнением к началу без конца. Подчеркнем, что и забытая древность, и чистая явленность мира в равной мере недоступны объективации и не могут быть предметом мысли и рассуждения. Образы «предела древности» суть нюансы, декорум, тень и след отсутствующей реальности. По той же причине они не могут быть устранены и обладают неоспоримой эстетической ценностью. Мир китайской традиции – репертуар *монументальных нюансов*. А историческое повествование в Китае, зародившись как хроника, со временем приобрело вид череды анекдотов, забавных и поучительных случаев, имевших тем не менее статус жизненной нормы и образца.

Известный в мире человек не обязательно обладает высоким искусством, а тот, кто им обладает, не ищет известности в мире. Скорее, он боится, что люди узнают о нем. Знают о нем или не знают – ему все равно.

Чан Найчжоу.

«Книга боевого искусства рода Чан». 1770 г.

Вот странное, неизвестное в Европе сочетание двух как будто противоположных душевных импульсов: строгая дисциплина учения, упорная корректировка душевных порывов и зачарованность полной естественностью восприятия. Другими словами, аскеза школы в Китае имела целью возвращение к первозданной свободе духа.

Интуиция слепого пятна «древности» вечно побуждает вернуться к истоку всего происходящего и поэтому служит сильнейшим импульсом писания истории. И чем острее осознается непонятность вечно отсутствующего начала мира, тем больше потребность осознать его и говорить о нем, тем сильнее воля «писать историю» вопреки или, вернее, как раз благодаря ограниченности своего знания. Но там, где есть только конец без начала, не может быть творчества из ничего. Там есть только реакция на свершившийся факт, обработка и стилизация наличного материала. В свете традиции историческое предание не имеет под собой никакого основания и не может претендовать на истинность, но его следует, как и делали в древности, выбивать на камне – самом долговечном материале.

Итак, история в Китае понималась именно как записи о давно минувших временах. Чисто китайское требование к познанию: слышать неслышное, видеть незримое, сознать несознаваемое. Устные же рассказы о том, что еще сохраняла память живущих, историей как раз не считались и относились к области сомнительного «предания», «легенды» (*чуань*). Как следствие, героем китайской историографии был «сокровенный человек» (*ю жэнь*), скрывающийся от мира, хотя нередко в самой гуще мира.

Человека незаурядного ума свет не потерпит. Человек выдающихся талантов будет гоним современниками. Вот почему древние бежали от общества. Но бывают времена, когда люди, даже уйдя от мира, не могут уберечь себя, и тогда они погребают себя в глубоком уединении. Как горько сознавать, что в таком огромном мире столь крошечному существу, как человек, некуда себя деть. Вот почему древние прибегали к уловкам, чтобы спасти себя: прямое делали кривым, квадратное – круглым и забрызгивали грязью чистоту белого шелка.

Сюнь Юэ. 200 г. н. э.

Историография в Китае как знание о начале, архе человечества в самом деле родственна археологии. Отсюда и любовь китайцев к антиквариату – вестнику забытой древности. А в

равной мере вкус ученой элиты Китая к эксцентричным, маргинальным людям – столь же далеким от «мирской пошлости», как антикварные раритеты.

Поскольку история в Китае не уводит от истоков опыта, а возвращает к ним, она не имеет линейного развития, но определяется разного рода социальными и природными, по сути, вне-историческими, «ритмами», скорее даже пульсациями. Она имеет основание в собственном пределе, непрерывно «теряет себя», чтобы столь же постоянно возобновлять себя в сокровенно-возвратном движении от себя к... своему началу. Она состоит из единичных, но вечносущих событий, или, точнее, завершенных в себе циклов, протекающих вне хронологии, по сути, метаисторических. Собственно начало (если позволителен такой термин, ибо чистое начало можно выделить только аналитически) есть всегда скрадываемая потоком времени, исчезающая прежде своего появления бесконечно малая длительность, предельно тонкое различие, в котором, как говорили в Китае, «нет ни форм, ни образов». Ее ближайший зримый коррелят – это фантазм, столь же произвольная, сколь и безусловная явленность бытия, мгновенно заполняющая пустоту начала. Поистине, свято место пусто не бывает. Фантазм пребывает вне оппозиции присутствия и отсутствия, воображения и действительности, совмещает виртуальные и актуальные стороны существования. Двойственная природа фантазма объясняет, почему духовное прозрение, постигаемое в возвратном движении времени, соотносится со светской историей как бы по принципу контрапункта: отпадение мира от его духовных основ сопровождается углублением, внутренним возрастанием мудрости традиции, затмение традиции возвещает ее кульминацию. Внешнее и внутреннее измерения человеческой истории находятся в некоем метаисторическом равновесии.

Концепция метаисторического круговорота выступала в разных видах. Существовало представление, вдохновленное буддизмом, о большом космическом цикле продолжительностью в 129 600 лет. Собственно же история мыслилась в виде циклов возвышения и упадка династий, отражавших, как считалось, состояние добродетели правящего дома. Смена династий, особенно в эпоху ранних империй, связывалась с переходом к другому моральному принципу правления, причем нравственные критерии исторических перемен соотносились с ритмами различных космических процессов. Но в наложении этих ритмов не было места метафизическому первоначалу. Историческая археология Китая имела своим основанием собственное отсутствие, свою вечноизменчивость. Она охватывала все порядки, возникающие в неопределенности спонтанных превращений мира, бытия, но сама не имела предметного содержания. Очевидно, что возвращение к древности было, в сущности, импровизацией, так что история Китая тоже знала собственное развитие и отражала, хотя во многом бессознательно, актуальное состояние общества. Представления китайцев об их прошлом больше говорят об их настоящем.

Совместность вечности и мгновения, явленности и сокрытости, незапамятного прошлого и неисповедимого будущего, составляющая содержание китайской истории, именно *выписывается*, причем в двух смыслах: она, во-первых, удостоверяется самим актом письма и чтения и, во-вторых, посредством этого акта выводится за пределы самоорганизации рассуждения. Последнее обстоятельство предопределило первостепенное значение в китайской культуре письменности как таковой, физического присутствия иероглифа вплоть до того, что в древности текст определяли по его начальным знакам и их общей численности.

Отсутствие на Востоке умозрительной метафизики объясняется способностью восточных учителей входить в общение с вещами, внимать их «красноречивой немоте», поверять мысль их присутствием. Пример подал Конфуций, который был – не будем это забывать – не столько «мыслителем», сколько знатоком древностей, чьи нравственные идеалы выросли из изучения материальных следов былых времен. И учил он не столько знанию о мире, сколько тонкой настройке духа через интуицию инаковости своего существования.

Нетрудно предположить, что весь ход китайской истории был предопределен внутренними противоречиями указанного выше подхода к историческому знанию. Решающую роль здесь сыграли, с одной стороны, способность китайской архео-истории к своему возобновлению через разрыв, инаковость в себе (такова сама суть предания как передачи и одновременно предательства передаваемой истины) и, с другой стороны, неизбежность тенденции к перерождению свободной совместности тайны и декора в оппозицию сущности и выражения, субъекта и объекта. В результате история Китая имеет вид нескольких параллельно существующих круговоротов разной длительности и масштабов. Наиболее очевидный из них – династический цикл, который, по китайским представлениям, определяется силой «добродетели» династии. Основатель династии всегда считался человеком необычайно сильной добродетели. Его преемники растрачивали ее запас, и в конце концов династия прерывалась. Разумеется, последний ее правитель всегда изображается личностью слабой и ничтожной. Но философский смысл этой деградации заключается в подмене совместности полярных начал существования логикой рационального и эмпирического знания, по сути, индивидуалистической. Говоря конкретнее, речь идет о придании декоруму статуса материального или идеального объекта. Этот процесс редко попадает в поле зрения эмпирических историков, но он дает о себе знать в регулярном возрождении всеобъемлющего культурного и духовного синтеза, совпадающего с воцарением сильной династии. Достаточно вспомнить появление универсальной этико-космологической системы при династии Хань, расцвет культурного «синкретизма» в империи Тан, складывание так называемого неоконфуцианского синтеза при династии Сун и новое издание неоконфуцианского синкретизма при династии Мин. Одновременно к концу династийных циклов усиливается тенденция к разложению традиционного синтеза, и с каждым разом кризис принимает все более острый характер. В свете сказанного выше о значении декора, деформаций, нюансов как свидетельств правды преображения нетрудно понять, что борьба хранителей традиции против подмены совместности логикой и архео-логии эстетизированной жизни прозрачностью идеологии все явственнее принимала вид противопоставления эксцентричных, гротескных форм жизни банальности здравого смысла, «мирской пошлости». Это была заведомо безнадежная борьба не только потому, что доведенный до предела гротеск оказывался не более чем сомнительным чудачеством, но главным образом потому, что правда, хранимая традицией, для взгляда со стороны была неотличима от простейшей обыденности жизни, стихии народного быта.

При династии Цин произошел окончательный слом традиции, и образованные верхи Китая обратились к идеологии западного типа. Однако исторический потенциал традиции не был и не мог быть исчерпан. Сегодня, в условиях «великого возрождения» Китая, он вновь становится влиятельной идеологической силой и притом в мировом масштабе.

В перспективе обозначенной здесь драмы истории Китая мы можем говорить о последовательном развитии изначально заложенных в китайской традиции мотивов и мировоззренческих установок. Именно поэтому в разговоре о судьбе китайской цивилизации очень важно соблюдать принцип историзма и сознавать специфику отдельных исторических эпох (хорошо известную знатокам китайской истории и неизменно отмечаемую в настоящей книге). В конечном счете реальное содержание истории Китая не может быть ни повторением стереотипов китайской историографии, ни проекцией западных образцов истории. Но интеграция китайского исторического пути и западных концепций истории поможет, будем надеяться, выработать действительно всемирную концепцию истории и уверенно определить место Китая в ней.

«Среди людей на небесах»

Прививаемая китайской традицией способность с детской непосредственностью принимать жизнь и радоваться ей предопределила практическую и даже, можно сказать, прагматическую ориентацию китайской мысли. Последняя исходит из самых обыденных наблюдений и простейшего здравого смысла, которые питает сама жизнь. Но закон самоотрицания, самопревосхождения всех вещей в переменах мира побуждал творцов китайской традиции видеть в жизни и нечто гораздо большее, чем биологическая жизнь, считать ее лишь преддверием подлинной, вечноживой жизни. В отсутствие трансцендентного Бога открытие вечной жизненности в жизни и духовное свершение, которому покорно само Небо, были прерогативой самого человека. Приверженность спонтанным метаморфозам жизни не могла не вести к почитанию ее творческой мощи. Способность живого существа расти и претерпевать превращения есть самое непосредственное и всеобщее проявление силы жизни и, следовательно, власти. Главное же свойство этой первозданной формы власти, что и зафиксировано во многих языках, есть не что иное, как доброта. Ибо власть дается тому, кто сам способен «дать всему быть», всё освободить. Она моральна в своем истоке. Жизненный рост, согласно заветам китайских мудрецов, есть не что иное, как претворение ограниченности земного бытия в небесный простор, освобождение от мирской суеты без отрицания физического мира.

В итоге мы наблюдаем в китайской цивилизации – и это составляет ее большое достоинство – полную аналогию между порядком мироздания, социума, политики и личной жизни, а власть, мораль, богатство и здоровье составляют в ней нераздельное целое. Говоря конкретнее, основой политики в Китае было нравственное совершенствование, а последнее предполагало овладение полнотой жизненной силы, здоровое и радостное самочувствие жизни. В свою очередь, радость жизни делает человека воистину богатым. Китайская мысль равнодушна к отвлеченным истинам интеллекта. Ее соматический уклон заставлял китайцев оценивать вещи по их способности доставлять удовольствие. Но удовольствие разумное, не наносящее вред здоровью или политической карьере.

Равновесие разума, здоровья, авторитета и богатства предполагает строгую и одновременно благодатную дисциплину ума и тела. Жизнь подлинная в китайском понимании есть непрерывное учение, совершенствование навыков, повышение чувствительности духа. Но духовная просветленность по-китайски учит жить не поверх жизни или вне ее, но *внутри* жизни. Ее завет – затаиться «в тени» жизни и так обрести безопасность и отдохновение. В китайских религиях эта тенденция в некоторых своих изводах могла приводить к противопоставлению «подлинной» жизни, или, точнее, подлинности в жизни, обыденному существованию. Но она не могла разрушить незыблемое основание китайской традиции – «согласное единство небесного и человеческого».

«Среди людей на небесах». Надпись на воротах даосского храма в г. Тяньцзинь, пров. Ганьсу.

Фото автора

Центральной категорией китайской культуры, истинной «школой жизни» в ней стал ритуал – универсальное средство символического сообщения и сердечной общительности в китайской культуре. Ритуал не нужно путать с внешним, формальным обрядом. В китайском понимании он воплощал ту исконную совместность и сокровенную общительность человеческих сердец, которая была подлинной матрицей китайского мировоззрения и первым условием общественной практики. А эта совместность открывалась в любезной уступке партнеру во встрече, знаменовавшей на деле возвращение к началу опыта, к моменту творения мира. Вот почему, по китайским представлениям, мудрый должен сознавать то, что еще не проявилось в сознании, незамутненный субъективностью кристалл бытия, где все во всем присутствует.

Жизненность ритуалистического миропонимания объясняется тем, что человек есть именно общественное животное, определяющее себя *вместе* с другим и опознающее себя *вместе* другого. Данный постулат избавляет от необходимости искать объяснение тому, что называют символизмом ритуала. Последний самоценен и оправдывает сам себя как изначально заданная каждому соотносительность с другим. Он ничего не «отражает», но как сущность человеческого общения и единения сам создает и артикулирует социум.

С одной стороны, ритуал требует сосредоточенности духа, которая, заметим, является условием искусности, мастерства во всяком деле, и сам является высшим искусством жизни. С другой стороны, ритуал объединяет через разделение, утверждает преемственность в изменениях. Поэтому ритуал для древних китайцев выступал прообразом «великого единства» (*да тун*) или всеединства, рассеянного в неисчерпаемом разнообразии жизни.

Итак, жизненность ритуала объясняется тем, что он воспроизводит вечные основы человеческой природы. Но любой ритуал есть искусство, и ему нужно учиться. Поэтому в ритуаль-

ном социуме совершенствование, одновременно духовное и телесное, становится всеобщим императивом. Исполнение ритуала требует и четкости жестов, и ясности сознания, и тонкого вкуса, не говоря уже о большом объеме специальных знаний. Неудивительно, что в Китае общение с потусторонним миром, воплощенное в архаическом ритуале, довольно скоро в силу неизбежности превращения мысли о предмете в предмет мысли приобрело характер самопознания и дало жизнь особой системе *деятельного ведения*. Именно это «знание ритуала», некая сводная интуиция сознания и тела, уже отделенная от конкретных обрядов, обусловила жизненность китайской традиции, а также ее в своем роде наднациональный и даже надкультурный характер. Приверженность принципам ритуального сознания и поведения стала подлинной основой духовной общности всей Восточной Азии, что не только не исключало, но прямо таки требовало огромного разнообразия ее исторических и культурных форм. Ведь ритуал определяется обстоятельствами момента и открывает не просто образы мира, а саму свежесть восприятия. Оттого же сопутствующее ему и даже, точнее, созидаемое им знание не ищет соответствий формальным критериям истинности. Оно возвращается и поверяется практикой, хотя его практицизм имеет особенную, по сути символическую, природу. Вследствие принципиальной непрозрачности оно требует прежде всего душевной искренности и доверия, т. е. высоких моральных качеств. Отсюда строгость нравственных требований и вместе с тем универсализм духовной традиции Дальнего Востока, вовлекшей в свою орбиту и сопредельные с Китаем страны, причем эта традиция не дает Китаю как этнокультурной и даже национальной общности каких-либо привилегий. Лидерство в мире ритуализма было и остается предметом всемирного соперничества *в любезности*.

В чем состоит своеобразие ритуального мировоззрения? Прежде всего – в представлении о жизни как преемственности и интимном единении человечества и всех духовных существ. В ритуале жизнь опознается как соби́рание, совместность разных планов бытия, в нем всякое усилие самосознания непременно предполагает сопричастие, близость других жизненных миров. Можно сказать, что правда ритуала – это не бытие, а со-бытие, совместное превращение всего и вся, в котором, как говорил древний философ Чжуан-цзы (ок. 369 – ок. 286 г. до н. э.), все вещи «уравняются», совершенно подобны друг другу, не будучи тождественными. Сознание, возвращаемое ритуалом, есть именно со-знание, совместное знание и знание совместности всего сущего. Поэтому в свете ритуала жизнь изначально несет в себе свет сознания, ритуал служит мощным усилителем последнего, а само сознание наделяется моральной природой.

Итак, в ритуале важна не сущность вещи, а отношение к ней, и, следовательно, природа вещи сводится к способу ее использования. С одним важным уточнением: это использование символическое и оно служит восполнению вещи, возведению ее к полноте существования, в сущности – освобождению. В ритуале каждая вещь оправдывается ее превращением и, следовательно, ее новизной. Но в нем всякий опыт – как только и бывает в реальности – включает в себя прикровенное виртуальное измерение несравненно более значимое, чем все наличное и данное. Поистине, в нем все существует настолько, насколько не существует.

*Сидя как труп, являет драконий образ. Храня безмолвие, издает
громовой глас. Духовному движению Небо следует...*
«Чжуан-цзы». IV–III вв. до н. э.

Из идеи гармонического всеединства мира вытекают три важных вывода. Во-первых, такой взгляд на мир не позволяет мысли оперировать сущностями, идеями и тому подобными данными интеллекта. В китайской картине мира есть только соответствия вещей и в конечном счете – между-бытность всего сущего, между-действие («антракт») в деятельности, пауза в длительности, что как раз представляет «интересное», *inter-esse* в вещах. Этот скрытый фокус мироздания предваряет оппозиции внутреннего и внешнего, субъективного и объективного,

материального и духовного. Будучи воплощением всеединства, он составляет отсутствующую среду восприятия и предстает «пустотой», хранящей в себе все потенции бытия. Мудрый не воздействует на вещи извне, а «следует» потоку событий и, познав его ритм, а затем и алгоритм, овладевает им без насилия. Он *выписывает* вещи, выявляя их самобытность и одновременно выводя их из области «объективной действительности», помещая их в укромную «тень бытия». Неразличение вещи и ее тени – основа китайской стратегической мудрости.

Во-вторых, китайский взгляд на мир учит ценить согласие и сотрудничество между людьми. Он учит понимать, что люди призваны не угнетать, а освобождать друг друга, раскрывая творческие потенции каждого. Гармония в человеческом коллективе резко усиливает проявления человечности в нем и творит новые, ведя сообщества к высшим, экзистенциально насыщенным формам общественности, недостижимым для отдельных индивидов. В этом пространстве синергии люди вместе могут несравненно больше, чем поодиночке.

В-третьих, у мировой гармонии есть особое феноменологическое измерение: взаимная проницаемость всех частей мира придает ему слоистую структуру, наделяет его внутренней глубиной и делает все явления лишь относительно реальными. Иными словами, все образы в нем столь же реальны, сколь и нереальны и имеют характер фантомов, или, как говорили в Китае, «переменчивой иллюзии». Но этой иллюзии не противостоит некий реальный мир. В сущности, фантомный субстрат опыта воплощает со-бытийность мира и принадлежит первоначальному динамизму самой жизни.

Как всеобщее соответствие в акте саморазличения, бездна мирового резонанса, или, если угодно, повсеместная центрированность, определяет все моменты мирового процесса, воплощает то самое «великое пособие» (Лао-цзы), в котором восстанавливается, возобновляется полнота свойств всех вещей. Как все китайские понятия, оно имеет второе дно, как бы складывается в себя. В конкретности общественной практики она предстает оппозицией действия и бездействия, и мудрый умеет сочетать то и другое, просто «следуя моменту» – поведение настолько естественное, что оно не требует размышлений, да и не может иметь в них основания. Но центрированное действие предполагает стяжение к центру, возвращение к началу всего в круговороте присутствия и отсутствия, покоя и движения. Опять-таки, как уже говорилось, возвращение означает возобновление всего, так что мудрый в конце концов утверждает свое присутствие в актуальности существования, он вечно возвращается не только в начало мира, но и в мир как таковой. Даосу Чжан Саньфэну, легендарному основоположнику «внутренних школ» боевых искусств, принадлежит фраза: «Кто движется поступательно, тот простой человек. Кто движется обратным ходом, тот небожитель. В пространстве центрированности поверни вспять движение вспять».

Небеса, согласно старинному китайскому изречению, присутствуют «среди людей». Небо и человек, дух и материя не тождественны, но и не противостоят друг другу. «Небесная истина» не в мире, но и не вне мира; подобно неведомому алгоритму всех ритмов, она пребывает в пределе всего сущего. Это правда превращения, которое дается только в ее тенях, отражениях, и мудр тот, кто не пытается схватить «отражения луны в воде», но скользит по волнам океана перемен к вящему своему удовольствию.

Ритуал, не уставали повторять китайцы, требует ценить согласие. Это означает, что китайская мысль допускает бесконечное разнообразие индивидуаций, но рефлексия в ней призвана удостоверить априорное присутствие события, соответствия, изначальную общительность, синергичную совместность всего и вся. В свете центрированности чем больше индивид самодостаточен, полон в себе, тем больше он принадлежит миру – отношение сущностно этическое. И какой бы утонченной ни была опознанная нами центрированность, в ней всегда таится еще более безусловное согласие, или, говоря конкретнее, еще более тонкий разрыв в сопряжении сил. Поэтому понятие центрированности утверждает наличие в опыте некой темной глубины и особой дихотомии «еще не проявленного» и «уже проявившегося» измерений

существования. Эта двухслойная структура бытия определила понимание человеческой практики в китайской культуре.

Китайский мыслитель, таким образом, всегда является восприимчивым традициям, поскольку ему предписано только следовать Изначальному, не следовать заветам древних, ходить по следам предков. Он может смело идти наперекор мнениям света и даже жертвовать жизнью ради морального идеала, но он не мыслит себя вне вечного порядка мира и несет ответственность за него. В истории Китая он часто выступает в незнакомом Европе образе *нонконформистского консерватора*: маргинала и чудака, хранящего в себе тайну вечнопре-емственности бытия. Э.М. Сьоран верно заметил: «Только безумец способен переходить от ночи к дню, ничего не теряя». Важным следствием описанной здесь этической ситуации было нераздельное единство знания, морального авторитета и власти. К этому счастливому союзу естественно добавлялись богатство, здоровье и радость жизни.

Откуда проистекает убеждение китайских учителей нравственности в том, что человек осуществляет свое жизненное призвание именно в соотнесенности с другими людьми? Интеллект, опирающийся на субъективную рефлексию, бессилен разрешить эту загадку. Китайская же мудрость исходит из первичной данности или даже, лучше сказать, за-данности жизненного опыта, которая есть наше телесная со-бытийность с миром. Самопознание, «возвращение к себе» всегда ведет к тому, кто «пришел прежде меня» – и вечно пребывает. Прикосновение и в широком смысле восприятие, точнее восприимчивость, ожидание встречи – необходимое условие сознания. А подлинное прикосновение – это именно *со-прикосновение*, которое требует соблюсти равенство во взаимном уступлении и, следовательно, добиться идеального равновесия сил в точке «центрированности», т. е. динамического покоя взаимности.

Как ни велики Небо и Земля, как ни многочисленны вещи, но то, что я существую здесь и сейчас, не могут отвергнуть ни божественные существа вселенной, ни мудрецы и достойные мужи государства, ни люди величайшей силы и совершенного знания.

Го Сян. III в. н. э.

Философема *со-прикосновения* указывает на подлинную основу существования в «небесном гуманизме» по-китайски. При всей деликатности этого акта она указывает на «упрямый факт» нашего присутствия в мире. Заданность, или, как еще говорят, инвариант этой текучей основы опыта, не поддается тематизации, но служит источником несокрушимой уверенности в подлинности существования. И чем меньше мы сознаем эту реальность, тем крепче наша уверенность в том, что мы воистину есть!

Заключение: о корне и кроне Китая

Даже самое беглое знакомство с китайской картиной мира позволяет убедиться в ее необычайной и притом очень жизненной целостности. Все стороны знания и практики в Китае от психологии до политики и космологии имеют общее методологическое основание, говорят на одном языке и как бы преломляются друг в друга, отражаются друг в друге, подобно граням вселенского кристалла. Это единство, как мы уже знаем, коренится в принципе событийности существования. Познание его исторических форм и последствий во всем их разнообразии – главная задача данного исследования. Мы уже знаем и трудности, сопутствующие изучению такой мировоззренческой конфигурации. Главная из них – отсутствие четкого теоретического обоснования подобного взгляда на мир, будь то бытие, идея, субстанция, Бог и т. п. Вместо формальных доказательств китайская традиция апеллирует к опыту «близости» истины и к интуиции равенства вещей в моменте их трансформации, а это выдвигает на первый план требование духовного просветления, но такого, которое уводит в глубину самой жизни. Здесь высшее знание равнозначно следованию самой жизненности жизни, которое в своей высшей точке, в мгновении «предвосхищения всего» дарует способность скрытно направлять ход событий. Вот тайна глубинного единства корня и кроны китайского мира, их свободного взаимопрониновения.

Живи настоящим.

Следуй тому, что таково само по себе.

Оставь всё.

Утонченное действие – в одном повороте.

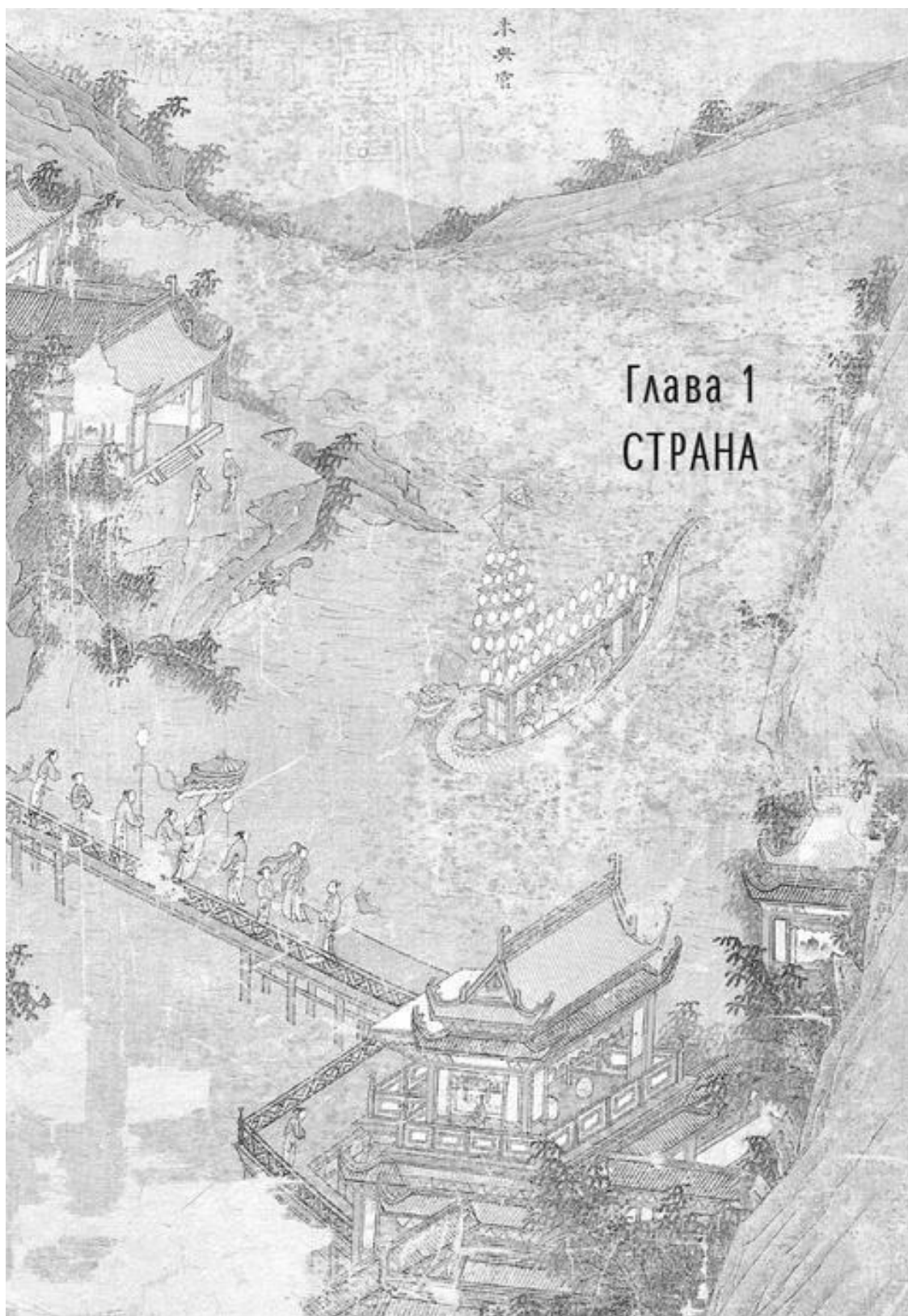
Заветы китайских мастеров боевых искусств

В грандиозной, почти хаотически спутанной и бесконечно разнообразной сети вещей, каким предстает перед нами китайский мир, или, если угодно, мир по-китайски, крайне трудно выделить устойчивые темы или образы, которые могли бы послужить основой или хотя бы отправной точкой исследования. Здесь приходится полагаться на объективно данные предметы знания и формы практики. В конце концов все люди рождаются, растут, познают мир, трудятся, создают семьи, живут в обществе и т. д. Задача автора состоит в том, чтобы выявить важнейшие грани традиционного китайского уклада и мировоззрения, проследить их историческое развитие в разнообразии их вариаций и внутренних противоречий и по возможности раскрыть связь начал и концов, корня и кроны единого древа китайской жизни, притом что сущность и декорум, исток и исход в китайском мировоззрении, как засвидетельствовано уже в первом изречении даосского канона «Даодэ-цзин», нераздельны и даже равноценны. Впрочем, и то верно, что ризома и листва дерева продолжают друг в друге и что они равноценны и прекрасны в их загадочном двуединстве спутанности и рассеяния.

В событийности происходящего нет ни метафизических принципов, ни первопричины. В ней все вещи удостоверяют друг друга, и это значит, что они на самом деле не имеют опоры вне себя и опираются только на «то, что таково само по себе», – всем врожденную и никому не доступную, вездесущую и вечно отсутствующую вещность каждой вещи! Любое искусство и превыше всего искусство самой жизни, говорили китайские учителя, «в корне своем не имеет правил»: в каждом моменте практики нам открывается зияние бытия, безграничное поле возможностей. В этой неопределимой цельности отражение, ответ, отзвук не менее реальны, чем правда жизни, она же Путь-Дао; маска неотделима от лица, источник потока слит с его происхождением (китайский образ рода), самое обыденное есть самое возвышенное, реальное и воображаемое, человеческое и небесное равноценны и друг в друга преломляются.

Системная целостность китайского мировоззрения представлена в древнейшем каноне Китая, носившем примечательное название «Книга перемен» («И цзин»). В этом памятнике мы находим математическую матрицу мировых превращений, а также характерный для философии событийности иносказательный язык, которые легли в основу решительно всех видов знания и практики в Китае. Примечательно и то, что «Книга перемен» дает знание всецело практическое. Речь идет о знании правильного действия в неисчерпаемом разнообразии жизненных событий. И это лучшее свидетельство почитания жизни в китайской манере: почитания благоразумного, чуждого экзальтации, деловитого, учащего ценить жизнь такой, какая она есть.

Глава 1 Страна

Рельеф, климат, недра

Физическая география

Китай – третья по величине страна в мире после России и Канады. Его территория составляет около 9,6 млн кв. км. Рельеф и климат Китая отличаются редкостным разнообразием. Если на востоке и юге Китай выходит к Тихому океану (протяженность его береговой линии достигает 18 тыс. км) и здесь имеются обширные низменности с влажным, а на юге – тропическим климатом, то на западе Китая располагаются огромные пустыни, самые высокие в мире плоскогорья и горные хребты, а на севере территория Китая охватывает безбрежные монгольские степи и вплотную примыкает к просторам Сибири с их дикими лесами и трескучими морозами.

Китай имеет общую сухопутную границу почти со всеми крупными государствами Восточной Азии, причем значительная ее часть приходится на Россию и центральноазиатские страны СНГ.

Нынешние политические границы Китая являются результатом территориальной экспансии китайского государства в последние несколько столетий. В историческом и культурном отношении более существенна граница, прочерченная по территории Китая Великой Китайской стеной – единственным искусственным сооружением на Земле, которое можно видеть невооруженным глазом с Луны. Эта стена, тянувшаяся три с лишним тысячи километров по северным и западным областям страны, была воздвигнута еще в III в. до н. э. при императоре Цинь Шихуанди – первом объединителе Китая. Участки стены к северу от Пекина – любимое место паломничества туристов – были построены значительно позже – в XVI в., во времена правления династии Мин. В пределах Китайской стены по сей день проживает подавляющее большинство китайского населения. Китай внутри стены примерно соответствует названию, которое китайцы издревле дали своей стране, – Чжунго, или Срединное государство.

В административном отношении территория Китая разделена почти на три десятка провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Большинство провинций Внутреннего Китая представляют собой особые историко-культурные образования и даже имеют диалекты. В свою очередь, они разделяются на уезды, а несколько соседних провинций составляют отдельные географические районы. Вот перечень провинций и названия их административных центров:

Название провинции	Административный центр
<i>Северо-Восточный Китай</i>	
Хэйлунцзян	Харбин
Цзилинь	Чанчунь
Ляонин	Шэньян
<i>Северный Китай</i>	
Хэбэй	Шицзячжуан
Шаньси	Тайюань
Авт. район Внутренняя Монголия	Хух-Хото
<i>Северо-Западный Китай</i>	
Шэньси	Сиань
Ганьсу	Ланьчжоу
Нинся-Хуэйский авт. район	Иньчуань
Цинхай	Синин
Синьцзян-Уйгурский авт. район	Урумчи
<i>Восточный Китай</i>	
Шаньдун	Цзинань
Цзянзу	Нанкин
Аньхой	Хэфэй
Чжэцзян	Ханчжоу
Цзянси	Наньчан
Фуцзянь	Фучжоу
Тайвань	Тайбэй
<i>Центральный Китай</i>	
Хэнань	Чжэнчжоу
Хубэй	Ухань
Хунань	Чанша
<i>Юго-Западный Китай</i>	
Сычуань	Чэнду
Гуйчжоу	Гуйян
Юньнань	Куньмин
Тибетский авт. район	Лхаса
<i>Южный Китай</i>	
Гуандун	Гуанчжоу
Гуанси-Чжуанский авт. район	Наньнин

Примечание: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин и Гонконг являются городами центрального подчинения и не входят в состав провинций.

Китайская стена. Литография XIX в.

В экономическом плане полезно различать в Китае три большие зоны: восточную, центральную и западную. Восточная зона значительно опередила в своем развитии внутренние районы страны: объем промышленной продукции здесь вдвое превышает показатель центральной зоны и в четыре раза – западной. Здесь же производится почти половина продукции сельского хозяйства.

Китайская цивилизация зародилась в среднем и нижнем течении Хуанхэ на так называемой Срединной равнине и достигла расцвета в плодородных низовьях другой великой реки Китая – Янцзы. Именно в этих районах отмечается наивысший уровень развития того типа высокопродуктивного интенсивного земледелия, главным образом рисосеяния, который составил характерную черту традиционного хозяйственного уклада китайцев и экономическую основу китайской цивилизации. Тем не менее более двух третей территории нынешнего Китая занято горами, и горные массивы оказывают наибольшее влияние на формирование климата, транспортной сети и расселение жителей.

Доминирующее положение в рельефе Китая занимает Тибетское нагорье, высота которого превышает 4000 м над уровнем моря. Его западной границей служит Гималайский хребет, где имеется несколько высочайших горных вершин земного шара. На северо-западе Тибетское нагорье ограничено горами Куньлунь, а к востоку от него, словно пальцы от ладони, расходятся несколько горных хребтов, которые образуют отдельные природные области Китая. Наибольшее значение среди них имеет хребет Циньлин, который располагается между реками Хуанхэ и Янцзы. Циньлин служит естественной границей между Северным и Южным Китаем. Хребет Наньлин разделяет Южный и Центральный Китай. Несколько горных цепей, сбегаящих с Тибетского нагорья, образуют естественную границу юго-западных пределов Китая. Имеются в Китае и хребты, которые тянутся в меридиональном направлении, указывая границу кон-

тинентального горного массива. Таковы хребты Большой Хинган в Маньчжурии, Хэншань в Северном Китае и Юньнань-Гуйчжоуское плато на юго-западе. Линия, проведенная от Большого Хингана к Юньнань-Гуйчжоускому плато, указывает естественную границу Внутреннего Китая.

Во Внутреннем Китае находятся почти все китайские равнины, занимающие, впрочем, лишь 12% территории страны. Это прежде всего Северо-Китайская равнина и равнина нижнего течения Янцзы. Крупнейшей же равниной Китая является Северо-Восточная (Маньчжурская) равнина площадью 350 тыс. кв. км.

В северо-западной части Внутреннего Китая, в излучине Хуанхэ и вокруг нее на площади в 580 тыс. кв. км, располагается Лёссовое плато. Лёссовая почва подвержена сильной эрозии, но по той же причине легко поддается обработке. Здесь возник один из древнейших очагов земледелия в Восточной Азии. Многие местные крестьяне из-за отсутствия древесины и камня до сих пор живут в пещерах, вырытых в склонах лёссовых холмов и порою заводят огород... прямо над собственным жилищем. Глубокие и почти отвесные каньоны, тянущиеся вдоль русел рек; дороги, превратившиеся за многие столетия в глубокие траншеи; искусно срезанные людьми и выветренные склоны холмов и скалы, остатки стен, стоящие прямо посреди крестьянского поля, – всё это придает пейзажам Лёссового плато слегка фантастический колорит. Здесь еще сохранился дух китайской древности.

Горы составляют важную часть пейзажа и равнинного Китая. С доисторических времен они почитались как обители богов, а позже – как скопления «чистой энергии» Земли, которая наполняет мир прекрасным, как музыка, ритмом самой жизни. Покров священной тайны окутывал уединенные пещеры и гроты в горах, где таились врата в мир блаженных небожителей, а в непроницаемой пустоте чудилась животворящая Утроба Мира. С древности в Китае сложилась даже своя география святых гор, где главная роль отводилась «пяти знаменитым пикам», символизировавшим четыре стороны света и центр мироздания. Наибольшей известностью всегда пользовался Восточный Пик – гора Тайшань в провинции Шаньдун (1545 м над уровнем моря). Издавна славился и так называемый Срединный Пик – гора Суншань в провинции Хэнань. Роль Северного Пика отводилась суровой горе Тайхан в провинции Хэбэй, а Южного Пика – получившей прозвание «самой благодатной из Пяти Гор» за обилие благоухающих трав и цветов на ее склонах горе Хэншань в провинции Хунань. Есть и горы, которые особенно славятся в Китае своими прекрасными видами. Таковы гора Хуаншань в провинции Аньхой – Мекка китайских живописцев, гора Хуашань на юге провинции Шэньси, на крутых склонах которой растут, как считается, самые красивые сосны в Китае, гора Лушань в провинции Хубэй, гора Лаошань на побережье Шаньдунского полуострова и др.

В великой земледельческой стране, каковой является Китай, еще большее значение для его жителей имели реки. Недаром история китайской цивилизации обычно отсчитывается от мифического правителя Юя, который, по преданию, выправил русла всех рек и спас мир от потопа. Подобно главным горным хребтам, протянувшимся с запада на восток, основные реки Китая тоже текут с запада на восток, что дало основание древним предкам китайцев сочинить миф о том, как столпы, поддерживавшие небесный свод, однажды рухнули, отчего Земля наклонилась, и с тех пор все воды на Земле текут на восток.

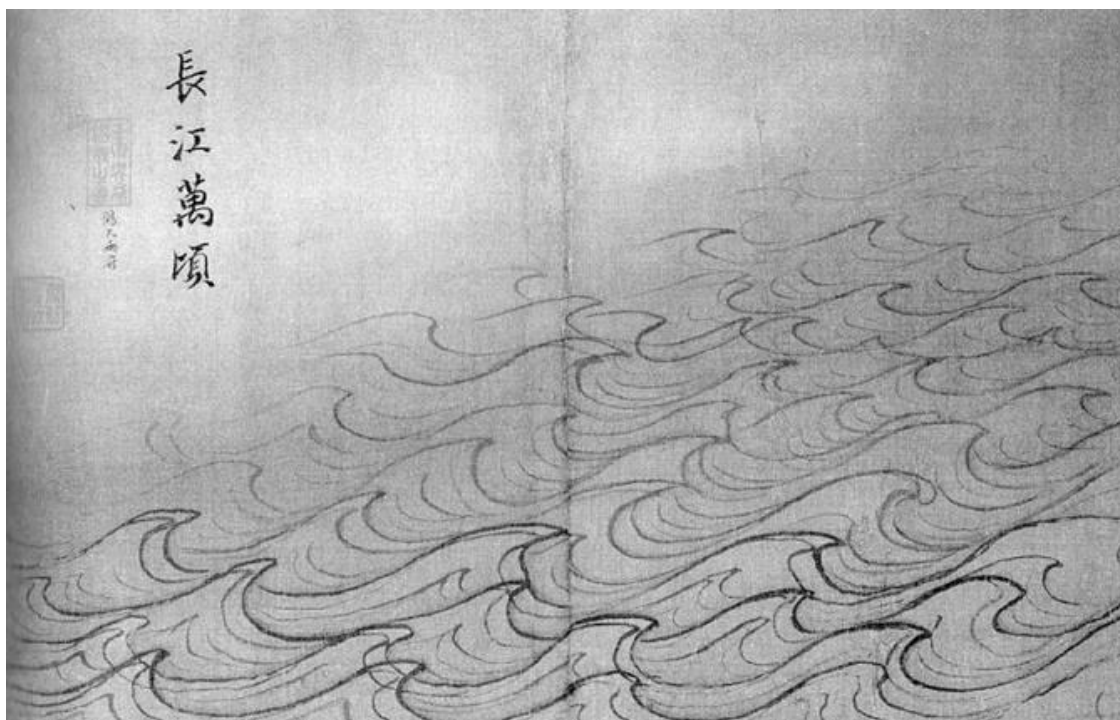
В Северном Китае главная водная артерия – р. Хуанхэ, или Желтая река. Вытекая из Тибетского нагорья, Хуанхэ проходит через глубокое ущелье, так называемые Драконьи врата. Существовала легенда, что рыба, прошедшая Драконьи врата вверх по течению, превратится в дракона, и такой рыбе с давних времен уподобляли счастливых, успешно сдавших экзамен на чин и обеспечивших себе служебную карьеру. После Драконьих врат Хуанхэ делает большую излучину в районе Лёссового плато, а затем несет свои воды через Северо-Китайскую равнину в Желтое море. Свое название Хуанхэ получила из-за цвета ее вод, содержащих большое количество песка и ила – наследство Лёссового плато. Ложе реки из-за оседающего на нем лёсса

непрерывно поднималось. В нижнем течении оно уже давно располагается выше окружающей местности, и это служило причиной постоянных наводнений. Чтобы держать в узде своенравную реку, китайцам с давних времен приходилось строить дамбы, но вплоть до нынешнего столетия никакие меры не спасали окрестных жителей – а их насчитывались миллионы – от бедствий. В настоящее время благодаря системе гидротехнических сооружений Хуанхэ надежно укрощена, хотя ее ложе порой выше окружающей местности на целых 50 м. Правда, она остается мелкой и бурливой, отчего по ней ходят лишь лодки и катера.

Самым длинным и важным в хозяйственном отношении водным путем Китая является Янцзы, или Чанцзян, – Длинная река (ее протяженность составляет 5800 км). Она тоже стекает с Тибетского нагорья, а затем пересекает с запада на восток центральные области Китая, орошая на своем пути почти 2 млн кв. км. Благодаря системе естественных резервуаров, в роли которых выступают великие озера Дунтинху и Поянху, Янцзы не угрожает жителям Центрального Китая (их число достигает трехсот миллионов) большими наводнениями. На начальном отрезке среднего течения Янцзы протекает через благодатную Сычуаньскую котловину – одну из житниц Китая, где еще в древности была создана сеть ирригационных каналов. Нижнее же течение Янцзы является наиболее развитым и густонаселенным районом Китая, где традиционно выращивалась большая часть риса, производимого в стране, сосредоточены центры шелкоткацкого производства и процветает торговля.

Между Хуанхэ и Янцзы имеется еще одна река, носящая название Хуайхэ. В наше время она выглядит скорее как цепь резервуаров, вода из которых почти полностью забирается на нужды ирригации.

Волны на Янцзы. С картины Ма Юаня (XIII в.)

Крупнейшая река Южного Китая – Сицзян, которая в нижнем течении, став полноводной и судоходной, известна под названием Чжуцзян («Жемчужная»). У устья Чжуцзян находятся главные города Южного Китая – Гуанчжоу и Гонконг.

Север Китая беден водой, и засухи здесь не редкость. Помимо Хуанхэ известное хозяйственное значение в этом регионе имеет р. Хайхэ, которая получается из слияния пяти малых рек у г. Тяньцзинь. Главными реками на северо-востоке Китая являются Ляохэ, впадающая в северную часть Бохайского залива, и Сунгари – правый приток Амура (по-китайски Хэйлунцзян – «Река Черного дракона»).

Частью водной системы Янцзы являются крупнейшие озера Китая – Дунтинху и Поянху. В низовьях Янцзы имеется еще одно известное озеро – Тайху, которое с давних пор славится как центр производства шелка, а также место добычи причудливых камней, украшавших сады богатых любителей прекрасного.

Побережье Китая в северной части представляет собой пляжи со множеством банок и отмелей. На юге береговая линия более изрезана, и здесь имеются удобные гавани. В территориальных водах Китая насчитывается до 5 тыс. островов, среди которых выделяются Тайвань и Хайнань.

За пределами Внутреннего Китая также немало природных достопримечательностей. Таковы, в частности, Турфанская впадина (вторая в мире по глубине после Мертвого моря); обширные пустыни Гоби и Такла-Макан, через которые когда-то пролегал Великий шелковый путь; соленое озеро Лобнор, знаменитое тем, что оно медленно «кочует» в безводной степи; р. Тарим, одна из крупнейших бессточных рек в мире; исполинский хребет Тяньшань, отделяющий южную часть Восточного Туркестана, Кашгарию, от его северной части – Джунгарии. В том же Восточном Туркестане существует широкая сеть оазисов, питавших своеобразную цивилизацию городов-государств.

Климат Китая не менее разнообразен, чем его рельеф. Когда на севере царит зимняя стужа, на его южном побережье стоит тропическая жара, а в то время, как восточные районы страны заливают проливные дожди, на дальнем западе, среди великих пустынь, годами не выпадает ни капли воды.

Главный фактор формирования климата в Китае – муссонные ветры, возникающие вследствие разности температур на континенте и в океане. Летом муссоны дуют с океана на материк и несут влагу, а зимой, наоборот, дуют с материка на океан и несут сухой и холодный воздух из Центральной Азии. Это обстоятельство делает лето в большинстве районов Китая еще жарче, а зиму, напротив, холоднее. Хотя столица Китая Пекин находится на широте Неаполя, климат там далек от неапольского. Зимой температура опускается до 0 °С и ниже, и с северо-запада дует холодный ветер, доставляющий столько неприятностей, что для пекинцев (а вместе с ними и для всех жителей Северного Китая) мыкаться по жизни в одиночку – все равно что «подставить себя северо-западному ветру». Летом же в Пекине ртутный столбик устойчиво держится выше отметки в 30° при почти полном отсутствии дождей.

Разница летней и зимней температур особенно велика в северных и западных областях. В самой северной провинции, Хэйлунцзян, средняя зимняя температура ниже 0°, но временами может падать до –30°, тогда как средняя температура июля превышает 20°. В самой же южной провинции Гуандун январская температура превышает 10°, а в июле составляет 28°. Тем не менее влияние холодных зимних муссонов на юге Китая столь велико, что даже в Гуанчжоу и Гонконге в январе бывают снегопады. Вообще январская изотерма в Южном Китае – самая низкая на этих широтах в целом мире. Зимние муссоны доставляют особенно много беспокойства жителям низовий Янцзы, которые предпочитают переживать зиму без надежной системы отопления. Между тем даже в Ханчжоу в январе порой случаются заморозки и выпадает снег. В ход идут простейшие средства обогрева вроде жаровень и просто теплая одежда. Как выразился один житель Пекина, «на Севере люди живут в домах, а на Юге – в одежде».

Руины древнего города в Турфане на Великом шелковом пути. Фото автора

Муссонные ветры в Китае, в отличие от других регионов Земли, не приносят дождей. Напротив, ветер с юго-востока в большинстве районов Внутреннего Китая предвещает засуху. Еще в XI в. поэт Су Дунпо написал стихотворение, в котором восхваляется юго-восточный ветер, обещающий прекращение затяжных дождей. Земледельцам этот муссон доставлял, конечно, куда меньше радости, ибо он приносил с собой засушливый период, – и это при большой влажности воздуха, вследствие которой влага конденсируется на поверхности холодных предметов.

Выпадению осадков способствуют главным образом циклоны, приходящие с континента. Поток холодного воздуха с севера вытесняет вверх водоносные слои, что и вызывает дожди.

Циклоны в Северном и Центральном Китае – точнее, севернее 25° широты – довольно часты. Они движутся с запада на восток, но, достигнув побережья, поворачивают на северо-восток. В апреле–мае они характерны в основном для областей среднего и нижнего течения Янцзы, а в летние месяцы – для Северного Китая. В среднем здесь бывает 84 циклона в год.

Южный и Юго-Восточный Китай подвержены тайфунам, но, поскольку на китайское побережье обрушиваются в среднем лишь четыре-пять тайфунов в год, их доля в суммарном количестве осадков для летнего периода не превышает трети.

Ареал Северного Китая более засушлив, чем большинство областей земного шара на этих широтах, что объясняется, во-первых, сокращением числа циклонов и преобладанием сибирских антициклонов зимой; во-вторых, отходом от китайского побережья теплого течения Курисово и, в-третьих, наличием горного хребта Циньлин, задерживающего влажный воздух с юга. Количество осадков в районах к югу от Циньлина вдвое и даже втрое превышает количество осадков в областях, примыкающих к Циньлину с севера. Например, в Ухани норма годовых осадков составляет 1155 мм, а в Кайфыне, находящемся почти на той же широте, но по другую сторону от Циньлина, выпадает всего 566 мм. В большинстве районов Китая наибольшее количество осадков приносят горные дожди, поскольку горы останавливают потоки влажного воздуха, заставляя их излиться дождем.

Для Китая принято различать районы влажные, полувлажные, полусухие и засушливые с минимальной нормой осадков, составляющей соответственно 750, 500, 250 и ниже 250 мм в год. Области влажного климата приблизительно совпадают с территорией Южного Китая. Полувлажные районы охватывают Северо-Китайскую и Маньчжурскую равнины. В Северном Китае большинство осадков (до 70%) выпадает в течение трех летних месяцев.

Районы полусухого климата – это Тибетское нагорье, степи Монголии и Джунгарии. Здесь земледелие возможно лишь при наличии орошения, а испарение настолько велико, что, к примеру, у крестьян провинции Ганьсу, чтобы уменьшить испарение влаги, было принято разбрасывать в поле камешки и осколки фарфоровой посуды. Что же касается районов сухого климата, то к ним относятся обширные пространства пустыни Гоби, где годовая норма осадков не превышает 40 мм.

Почтительное отношение китайцев к горам объяснялось, помимо прочего, тем, что горы в Китае оказывают огромное воздействие на формирование климата. Климат в горах заметно более влажный, чем на равнине, и это обстоятельство сделало возможным выращивание на горных склонах чая и ряда других сельскохозяйственных культур. Не случайно лучший чай в континентальном Китае выращивают на горе Хуаншань (пров. Аньхой), и он носит название «чай облаков и туманов». Имеется также большое различие между растительностью на южном и северном склонах гор. Поскольку воздух на северном склоне значительно более прохладный и влажный, чем на южном, именно там сосредоточены горные леса.

Большинство районов Китая, в частности на Севере, подвержены как засухам, так и наводнениям. Если в Южном Китае дожди выпадают относительно регулярно, то на Севере вариативность осадков по времени составляет до 60% – наивысший на земном шаре показатель для районов интенсивного земледелия со столь плотным населением. Нестабильность выпадения осадков, их чрезмерная скудость или, наоборот, обилие представляет здесь серьезную угрозу земледелию и служит причиной частых неурожаев.

Не менее страшным бедствием были наводнения. Как уже отмечалось, вплоть до 50-х годов прошлого столетия р. Хуанхэ разливалась каждые два-три года. Еще более серьезную проблему до последнего времени представляли наводнения в низовьях Янцзы. Например, за период с 1911 по 1932 г. здесь было зафиксировано 56 наводнений. Тайфуны в Южном Китае порождают гигантские приливные волны. Для защиты от этих волн еще в X в. на побережье провинции Чжэцзян были построены мощные дамбы.

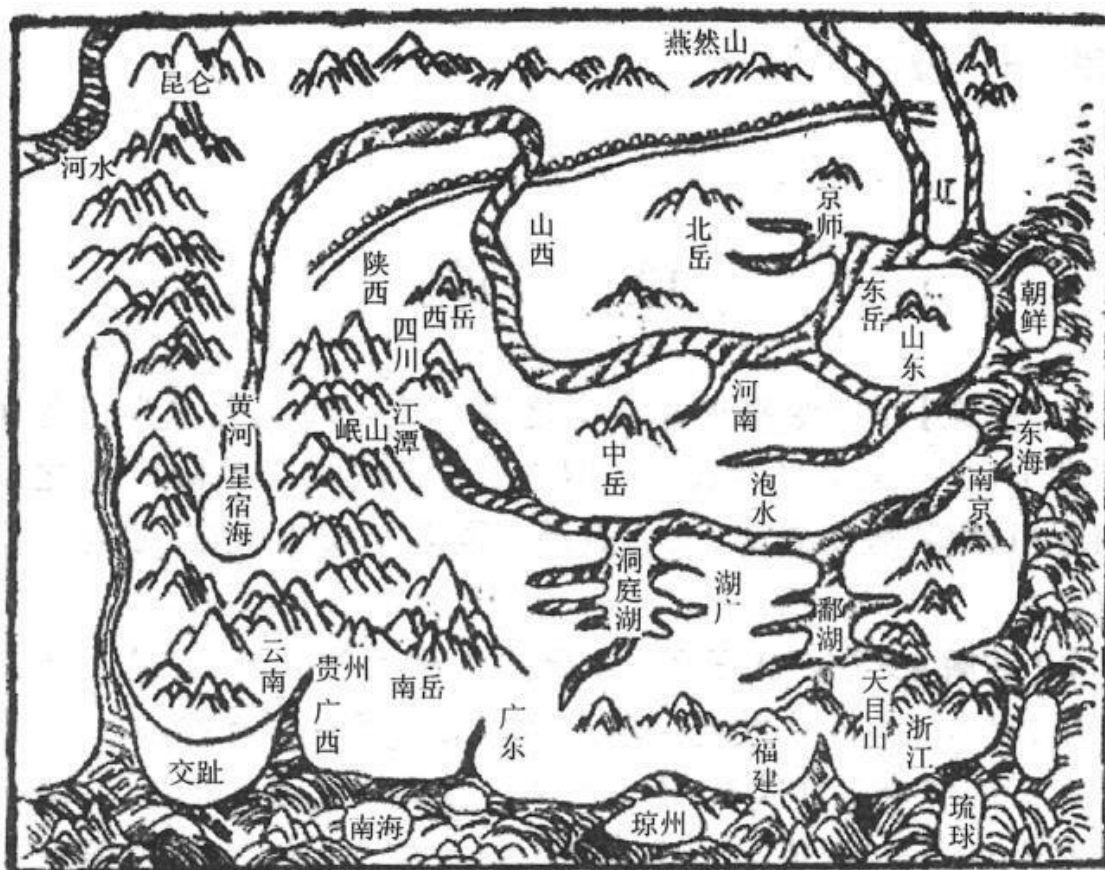
В исторически обозримый промежуток времени климат Китая претерпевал заметные изменения. В древности в Северном Китае он был гораздо более теплым и влажным, чем сейчас, что способствовало зарождению земледелия именно в этом регионе. В первой половине I тысячелетия н. э., а затем в X–XIII вв. климат в Китае и Восточном Туркестане был особенно сухим и прохладным, после чего наблюдалось его постепенное потепление.

Люди и стихии

Китайцы, как все народы, смотрели на свою страну через призму ее идеальных, не лишенных утопических обертонов образов. Таковы, например, понятия Божественного континента (*Шэньчжоу*), пространства среди Четырех морей (*Сыхай*), Цветущего Ся (*Хуася*), Девяти областей (*Цзючжоу*) или всем известных Поднебесной (*Тянься*) и Срединного царства (*Чжунго*). Последний термин напоминает, что в представлениях китайцев о мире доминировала все та же идея центрированности, среды-средоточия, которая равнозначна вездесущей предельности. Согласно заветам древних, «правление начинается с установления границ». Административная планиметрия была первым признаком власти. Китаю, разумеется, отводилось место в центре – там, где космические силы находятся в равновесии. Как писал в XII в. ученый Ши Цзе, «Срединное государство находится внутри, а варвары четырех сторон света находятся вовне, и это разделение установлено самим Небом». Поэтому, согласно логике того же автора, в Китае в изобилии произрастают злаки и плоды, нравы там сами собой утонченны, а люди от природы добродетельны, талантливы и разумны. С древности правители Китая стремились внушить чужеземным посольствам, что Китай – могучая, процветающая страна, где «всего имеется в достатке», а жители Срединного царства наделены «правильным духом». Напротив, обитатели окраин мира уродливы и склонны к излишествам и крайностям. Они отличаются «порочным духом», а их уродства и душевная неуравновешенность отражают периферийное положение земель, в которых они обитают.

В пространстве, которое покрывает Небо, поддерживает Земля и освещают солнце и луна, Хуася находится посередине всех земель, и все живое там наделено правильной природой. Люди там благонравны и живут в согласии. Земля там плодородна и родит в изобилии. Поэтому там могут появляться мудрые и достойные мужи, которые поддерживают благой порядок, исправляют пороки и извлекают пользу из всех вещей.
Ду Ю. VIII в.

Базовой схемой разграничения, т. е. творения, пространства служил квадрат – символ Земли (Небу соответствовал круг). На основе квадрата сложилась идеальная фигура землеустройства, совпадавшая со схемой Девяти дворцов из «Книги перемен»: один центральный квадрат в окружении восьми периферийных полей. Но за пределами технических схем китайцы преклонялись перед грандиозной запутанностью природных явлений, «небесной искусностью» (*тянь цяо*). Если мир был для них «Небо и Земля», то ландшафт они рассматривали и оценивали в свете оппозиции или, скорее, двуединства «гор и вод», где горы были продуктом сгущения мировой энергии *ци*, а водная стихия – средой ее рассеивания. Пейзаж в китайском мировосприятии был живой, одухотворенной реальностью. «Горы и воды – духовный предмет», гласит первое правило китайской науки «гор и вод», восходящее к афоризму «Даодэ-цзина». Любовь китайцев к «древним деревьям» и «причудливым камням» объясняется как раз тем, что в таких утонченных предметах скапливалась энергия мироздания. На рубеже XVI–XVII вв. литератор Юань Хундао в своем славословии одной местности записал: «Здесь на каждом пике есть живые камни, и каждый камень хранит дух небожителей».

Карта «трех великих драконов» (север сверху). Рисунок из энциклопедии «Саньцай тухуэй», 1609 г.

На карте указаны три больших горных хребта (дракона), разделенных двумя великими реками, а также Пять святых пиков и Великая стена

Физический мир китайцы уподобляли башне, у которой «центр выше краев». За центр мира они принимали гору Куньлунь на западных рубежах Китая. Ее китайцы называли «первопредком мира»,местилищем «изначальной энергии» мироздания. От этой Мировой горы расходились три главных и пять побочных горных хребтов, что как раз соответствовало схеме восьми триграмм. Конфигурация горных хребтов напоминала жителям Срединной державы большое дерево, у которого есть ствол, боковые ветви, а ветки заканчиваются листьями (таким был и общепринятый образ клана). Средневековый автор отмечал, что горные цепи «расходятся тысячами ветвей и листьев, всех и не сосчитать, и везде есть важные места, у каждого есть форма». Рассеивание для китайцев было организационным началом пространства: наполненная пустотность бесчисленных превращений Неба-Земли не имеет никакой «идеи», зато обладает качеством подлинности и в пределе раскрывается конкретностью места. Естественно, что и ландшафт китайцы воспринимали как совокупность точек, и уже в древнем военном каноне «Сунь-цзы» содержится на удивление подробная классификация видов местностей, составленная с точки зрения их ценности для военной тактики.

При всей важности гор в общем устройении Срединной империи главным критерием разграничения ее отдельных областей и уездов считались все-таки водные потоки. По преданию, древний правитель Юй, когда укрощал мировой потоп, установил девять областей Китая. Последние имели соответствия среди девяти областей звездного неба.

В древности ученый Цзоу Янь высказал мысль о том, что в мире имеются девять континентов с девятью областями в каждом. Континенты окружены морями, и их обитатели не

могут сообщаться друг с другом. Китай составляет лишь одну область в своем континенте и, таким образом, занимает лишь $\frac{1}{81}$ часть Земли, причем в своем континенте он находится в юго-восточном углу, примыкающем к великому океану. Это предположение в какой-то мере соответствовало познаниям древних китайцев о реальном мире, но не получило развития, поскольку не имело практического значения для государственной администрации. К тому же оно шло вразрез с верой китайцев в то, что их страна расположена в центре вселенной. Позднее распространилось мнение, что Китай занимает один из пяти континентов мира.

Естественно, в пространственных представлениях китайцев важное место занимала оппозиция центра и периферии. По преданию, уже упоминавшийся Юй, укротитель потопа и первый землемер Китая, учредил свою столицу в центре мира и определил пять зон вокруг нее (их изображали в виде концентрических квадратов): престол, место знати, «примыкающая» зона, «подвластное» пространство и «дикий простор». Позднее основатель династии Шан Чэн Тан выделил только три зоны: «срединное Шан», покорные шанскому правителю племена четырех сторон света и окраинные земли дикарей. Существовала и схема из девяти зон. Вообще в китайских схемах мирового устройства преобладают цифры 3, 5 и 9. Так, помимо Девяти областей в Китае имелось Пять великих озер и Пять святых пиков. Различались также Девять гор и Девять горных проходов, определявших рубежи собственно Срединных земель, а также Девять низменностей. В мире имелось Восемь Пределов и, соответственно, Восемь ветров. Кроме того, китайцы выделяли шесть больших рек (если девятка – символ кульминации активного начала Ян, то шестерка соответствует пределу Инь, ассоциировавшемуся с водной стихией).

Сеть святых гор указывает на «небесный» порядок мироздания, как бы скрытно вписанный в порядок Земли. Неформальное, нигде не прописанное единение того и другого – одна из самых примечательных черт китайского уклада и мировоззрения. Впрочем, сокровенный строй мироздания мог пребывать и под поверхностью земли. Считалось, что святые горы Китая были связаны между собой подземными переходами, которые известны только просветленным мудрецам.

Одна из важнейших черт китайской цивилизации – тесное и притом практическое сотрудничество людей и природы, более того – глубинная преемственность жизни природного мира и человеческой деятельности. Достаточно напомнить, что в Восточной Азии «письмена природы» и «письмена человека» складывались в одно целое, так что в акте письма, в самом движении писчей кисти, китайцы видели прообраз всех действий и явлений в мире. Когда китайский поэт писал, что его кисть «заставляет дрожать Пять пиков мироздания», это была не фигура речи, а выражение глубочайшей истины его жизненного опыта. На китайских картинах люди, дома, мосты и прочие признаки присутствия человека как бы растворены в грандиозном мире, но при ближайшем рассмотрении оказываются его внутренним фокусом. Горы славны, говорили в Китае, не своей высотой, а обитающими на них подвижниками; воды же ценны не глубиной, а таящимися в их пучине драконами. Фразу Конфуция: «Мудрый радуется водам, человечный радуется горам» – комментаторы толковали в том смысле, что вода воплощает качества благородного мужа: умудренность, степенность, мужество, а горы хороши тем, что «люди смотрят на них восхищенным взором» и они предоставляют место для жизни зверям и птицам, произрастания трав и деревьев и что благодаря им «Небо и Земля достигают завершенности, а государство – покоя».

Китайцы разделяли свойственное всем народам представление о связи обычаев, нравов и облика людей с природной средой их обитания. Считалось, в частности, что горы и бурные реки, благоприятствовавшие скоплению космической энергии, способствуют появлению талантливых людей, а на плоских равнинах, покрытых невысокой растительностью, «дыхание земли» не имеет большой жизненной силы.

Лесные жилища. Фрагмент картины Ван Мэна, XIV в.

Административная география Срединной империи считалась точным прообразом устройства небесной сферы, каждая ее область имела своего прототипа среди небесных созвездий. Поэтому государство в Китае во все времена называли «небесным». Единство человеческого и природного миров имело основание в превращениях универсального энергийного субстрата или, можно сказать, информационного поля мироздания, которое именовалось *ци*. В потоке *ци* человек, как считали китайцы, беспрепятственно общается с миром: он «находится в мире, а мир находится в нем». Поэтому врожденные свойства и даже нравы людей, их телесный облик, характер, душевные качества, способности и т. д. определяются особенно-

стями *ци* их родной местности. Ученый IX в. Хань Юй отмечал, что в прекрасной местности не могут не рождаться люди высокой морали и больших талантов.

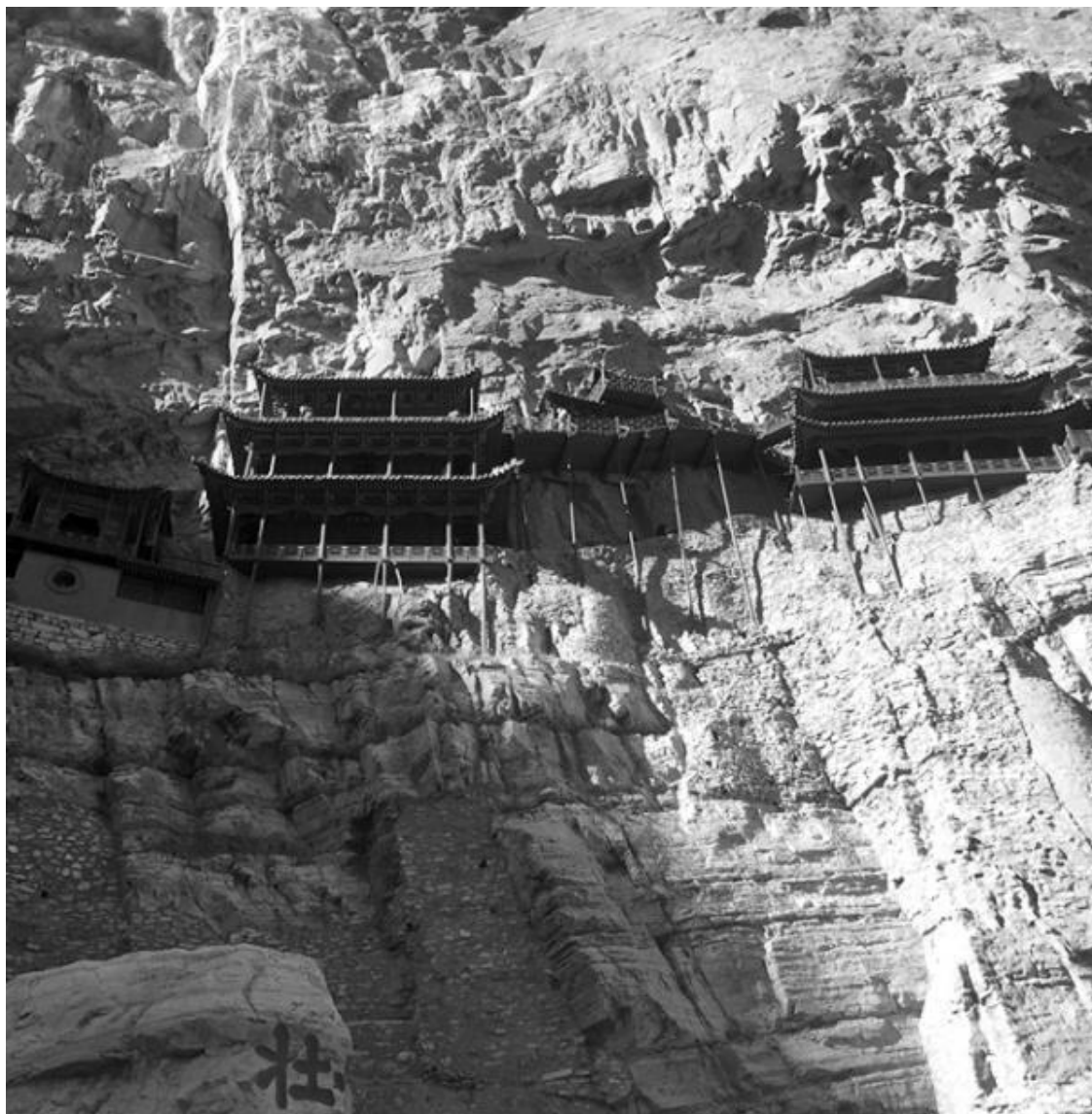
Связь природы и общества в Китае была взаимной и всегда рассматривалась в контексте человеческой практики. Если, согласно традиционной формуле, «человек обретает духовную силу благодаря земле» и получает чистейшее *ци* от прекрасного пейзажа, то и сила земли «выявляется благодаря человеку». Человек в китайской цивилизации не боготворил природу, но и не распоряжался ею самовластно, а, скорее, соработничал с ней, был ее разумным, рачительным пользователем. Его назначение состояло в том, чтобы «приводить к завершению работу Неба», высвобождать все потенции вещей, заложенные в них природой. Как заметил в XV в. ученый Цюй Жуй, «даже в превосходной местности от живущих в ней людей горы как будто становятся еще выше, а воды – еще шире!»

В конечном счете человек встречался с природой, жил наравне с ней в творческих метаморфозах самой жизни, в акте взаимного превращения, для чего даже необязательно было что-то делать. Достаточно было отдаться силе воображения, позволяющего увидеть в затейливых формах природы образы человеческого мира. Пожалуй, самый поразительный пример подобной игры фантазии – обычай украшать стены комнат и даже мебель полированными срезами мрамора, узор которых отдаленно напоминал пейзажные картины. Чисто китайская придумка: увидеть внутри камня образ мировых далей, сделать материальный предмет образом чистой мнимости. В итоге связь природной местности и духовного состояния в Китае опосредовалась системой символических связей, исключавшей совпадение физического и духовного миров.

Жизненный уклад и таланты людей обязательно следуют погоде жаркой или холодной, сухой или влажной. Долины и реки управляются по-разному, людские обычаи тоже разнятся. Распространяя благое учение, не изменяйте их обычаев. Делая управление одинаковым для всех, не изменяйте их привычек.

«Записки о ритуале». II в. до н. э.

Из элементов природного мира наибольшее значение имела земля – стихия, с которой подавляющее большинство жителей великой земледельческой страны находилось в самом тесном общении. Можно сказать, что в Китае не столько человек был мерой всех вещей, сколько почва – мерой человека. По-китайски эпитеты «земляной», «земельный» (в китайском языке здесь нет различия) обозначают всё, что относится к родине и местным особенностям народной жизни – фольклору, быту, достопримечательностям, хозяйству. Сама же земля выступала как бы в двух измерениях. С одной стороны, она – плодоносящее, материнское тело-чрево, живой организм со сложной сетью каналов, по которым текут питательные энергии космоса. Таков космический лик земли. С другой стороны, земля – возделанное поле, выступающее прообразом не раздолья и дикости, а порядка и ухоженности. К этой земле у китайских крестьян отношение скорее деловито-заботливое. В геометрии крестьянских полей осуществляется мироустроительная роль власти. У кромки поля, под холмиками безымянных могил (так принято преимущественно на Севере) покоятся усопшие предки, так что поле, дающее урожай и с ним жизнь, служит еще и посредником между живыми и мертвыми. Таков очеловеченный лик земли. На самом деле перед нами, конечно, два профиля одного лика: землеустройство есть не что иное, как устройство мира, сеть полей – прообраз «небесной сети», пахота – подобие духовного подвига, произрастание семени – таинство духовного превращения. В китайской науке рельефа, так называемой геомантии, идеальной считалась местность, которая своей конфигурацией напоминала младенца – символа полноты жизненных сил.

Храм на скале, пров. Шаньси. Фото автора

Два указанных профиля земного лика суть две грани «согласного единства» небесного и человеческого. Человек в Китае пользуется природой, ставит ее себе на службу, но так, чтобы не разрушать или подавлять ее, а улучшать и совершенствовать – в своих же интересах! Он проводит оросительные каналы, превращает склоны холмов в террасированные поля, повышает урожайность почвы или даже застраивает огромные площади городскими агломерациями. Но в этих грандиозных стройках и технических совершенствованиях он не только сохраняет равновесие природы и культуры, но придает ему все больший размах и разнообразие.

Человек ценен благодаря земле. Земля проявляет себя благодаря человеку.

Силы того и другого питают друг друга.

Шан Лу. XV в.

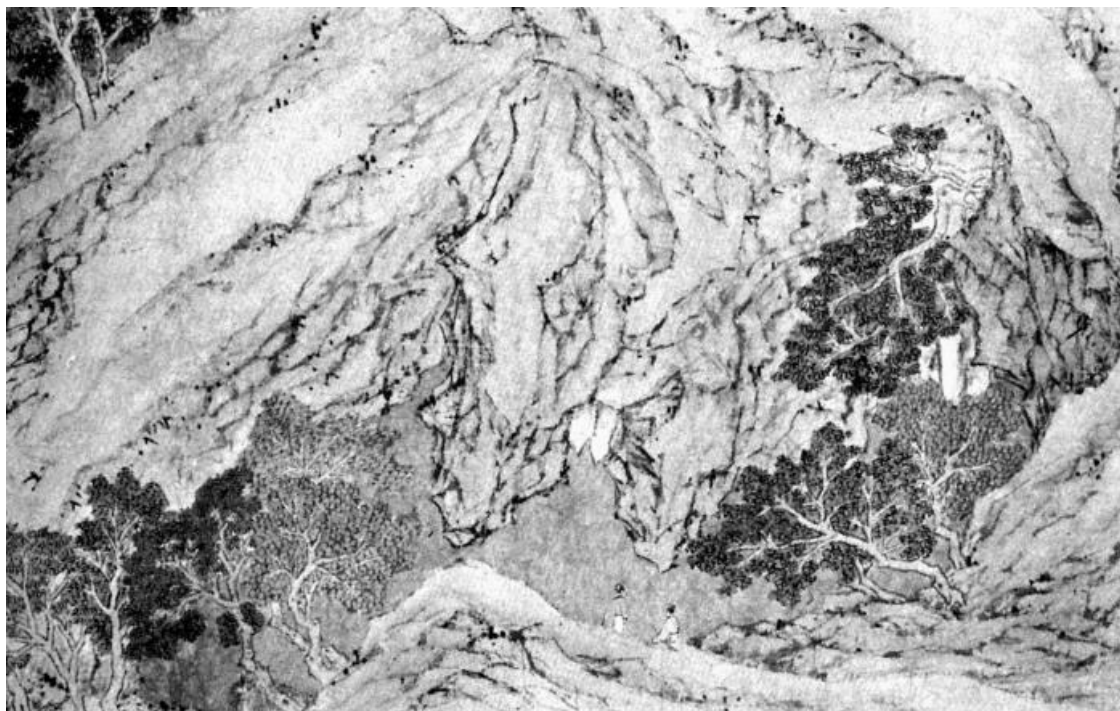
Другая важнейшая стихия в земледельческой стране – вода. Потоки вод – и на поверхности суши, и в глубине земли – образуют как бы кровеносную систему тела матери-земли. Та же вода, вышедшая из берегов, подобно кровоточащей ране, сулит изнеможение и смерть. Задача мудрого состоит в регулировании тока вод. Но когда реки укрощены и мы погружаемся в созерцание струящихся вод, не напоминают ли они о течении самой жизни и непрерывно-

сти духовного подвига? Ученым людям Китая такое сравнение казалось естественным. Да и управлять людьми, по китайским понятиям, – все равно что управлять водным потоком: не нужно прилагать усилий для того, чтобы заставить воду течь туда, куда она стремится по своей природе, но горе тому, кто вздумает преградить ей путь! При этом все реки Поднебесного мира текут на восток и вливаются в Восточный Океан – наглядный прообраз вселенского простора. Человек живет в зиянии этого простора и принадлежит ему. Недаром в архаическом фольклоре царство мертвых именуется Желтыми источниками и, согласно тем же верованиям, где-то далеко в том же океане, в дымке морских испарений плавают волшебные острова, на которых тоже обитают души умерших, но достигшие блаженства.

Где земля красива, там и люди красивы, а где земля дурна, там дурны и люди. От дыхания гор возникает много мужественности, от дыхания озер – много женственности; дыхание воды ослабляет зрение, а дыхание ветра ослабляет слух; дыхание дерева делает горбатым, а дыхание камня – сильным...

Е Цзыци. XV в.

Еще один важный элемент китайского ландшафта – горы. Эти гигантские «пузыри земли», пронзающие своими вершинами небеса, излучают тончайшую энергию мироздания. Разрезая землю на отдельные области, они свидетельствуют о вселенской планиметрии: пять святых пиков символизируют четыре стороны света и центр Вселенной, отдельные хребты устанавливают различия между севером и югом, западом и востоком. Горы – место обитания святых и блаженных и паломничества людей всех званий и сословий. Паломники оставляют о себе памятные знаки – каменные стелы и павильоны, кумирни и статуи, надписи назидательные или прославляющие красоты окружающей местности. Так горы в Китае стали средоточием культурной памяти народа, а главное – условием переживания той «инаковости» видения, без которой не будет целостного образа мира вообще. Поистине, плоский равнинный мир вызывает к иному – таинственному, волшебному, недоступному – миру гор. Пример подал сам Конфуций, который, по преданию, поднялся на гору Тайшань и многозначительно заметил, что с вершины горы мир «выглядит другим». Первые упоминания об удовольствии созерцания «безбрежного простора» в Китае относятся к концу классической древности (III в. до н. э.). В самом начале Средневековья (III–IV вв.) появляются первые панегирики восхождению на горы. Позднее путешествия по горам и рекам стали важной частью жизни образованных верхов Среднего царства.

Лу Чжи, Яшмовая пещера, ведущая в страну блаженных небожителей. XVI в.

Среди многих примечательных мест, которые можно обнаружить в горах, наибольший интерес и даже благоговейное почитание вызывали пещеры – врата в мировую Утробу, где каменные стены сочатся живительными соками матери-земли. В ненарушаемой тишине и вечном мраке пещеры еще настойчивее ищешь внутренний свет и ждешь звуков небесной гармонии. В Китае имелась своя (созданная даосами) география священных пещер, которые называли «провалами в Небо», ведь подземный ход ведет нас в потусторонний мир – страну блаженных небожителей, где нет ни смерти, ни болезней, ни невзгод, ни нужды.

Важной категорией небо-человеческого порядка в Китае был ветер (*фэн*). Категория не совсем привычная для европейцев, но совершенно естественная для народа, ценившего жизнь за ее пустотность и силу перемен. Ветер даже лучше воды выражает идеал Великого Пути как ненасильственной ориентации, направленного движения души и тела. Тот же Конфуций утверждал, что государь должен управлять народом, как «ветер пригибает траву». В самом деле, ветер – лучший прообраз «мягкой силы» власти, ее воспитательной действенности, воплощенной в обычаях и нравах народа. Недаром слово «ветер» в Китае с глубокой древности обозначало также атмосферу, настроение в обществе.

Популярным критерием оценки нравов жителей было соотношение «суши и воды» в их родной местности. В последние столетия истории Китая было принято на основании этого критерия выделять в стране три больших региона. Считалось, что в северных провинциях, где «много суши и мало воды», люди по характеру тверды, прямодушны и воинственны, живут скромно и не отличаются вежливостью. На Юго-Востоке «много воды и мало суши», так что тамошние жители мягки и уступчивы, любят удовольствия, а в делах уклончивые и скользкие. В Юго-Западных областях «много суши и много воды», отчего люди там умны, хитры, суеверны и любят соперничать. Глубокие различия в разговорном языке и культуре заставляют китайцев еще и сегодня настороженно относиться к уроженцам других регионов страны, особенно если речь идет о Севере и Юге. Тем не менее различия в характере и обычаях жителей разных областей считались только следствием условий их жизни. Для такой огромной многонациональной империи, как Китай, расизм – явление маргинальное. Считалось, что тот, кто

родился и вырос в Китае, имел все шансы стать добропорядочным подданным Срединного государства.

Природные ресурсы

Проблема природных ресурсов в китайском обществе в условиях большого демографического давления с древности была очень острой. Достаточно сказать, что уже почти две тысячи лет тому назад на Северо-Китайской равнине практически исчезли леса и даже трава, что, конечно, наложило отпечаток на весь жизненный уклад китайцев. Попадая в деревню Северного Китая, не чувствуешь свежести воздуха – этого неизменного атрибута деревенской жизни в России. Скудость природных ресурсов породила у крестьян убеждение в том, что, во-первых, существующих в мире благ на всех не хватает и для их распределения необходимы общественная иерархия и сильное государство, а, во-вторых, внезапный прирост богатства у одного человека означает убыль богатства у кого-то другого. Это убеждение многое объясняет в политической истории Китая, в том числе современной.

Жители китайских деревень до сих пор топят свои очаги в основном хворостом и соломой, нанося серьезный урон окружающей среде. Отсутствие лесов заставило китайцев искать более экономичные виды топлива. Уже с древности широко распространилась практика выжигания древесного угля. Почти так же давно в быт китайского народа вошел каменный уголь, или «камень духовной силы», который до недавнего времени служил главным источником энергии в городах Северного Китая (к потребителям его доставляли обычно в виде круглых брикетов).

Промышленные запасы леса, занимающего около 13% территории Китая, сосредоточены в основном на северо-востоке и юго-западе. Кроме того, лесами покрыты обширные пространства Юго-Восточного Китая с его холмистым рельефом. В Маньчжурии произрастают в основном береза и сосна, на юге помимо сосен и кипарисов имеются ценные породы тропических деревьев – красное, железное, камфорное, сандаловое дерево и пр. На крайнем юге сосредоточены плантации каучуконоса, а во многих районах с древности высаживали катальпу, служившую сырьем для изготовления лаков и утвари. Широкое применение в повседневной жизни находил бамбук, из которого делали мебель, посуду, шляпы, зонты, веера и многие другие предметы. Всего в Китае различают свыше 300 пород бамбука, около 50 из них используются в хозяйстве.

Скудость растительного и животного царства побуждала китайцев с особым пристрастием изучать свойства растений и живых существ. В результате ученые старого Китая накопили богатейшие, не имеющие себе равных в мире сведения о целебных и питательных свойствах трав, грибов, цветов и насекомых, повадках зверей, рыб и птиц.

Из нетрадиционных источников энергии на первом месте стоит нефть, запасы которой в Китае составляют около 17% мировых (тогда как добыча не превышает 3,4% мировой). О нефти китайцы узнали еще до начала нашей эры; ее называли тогда «каменным лаком» и применяли больше для смазки колес. Затем нефть использовали для производства туши. В позднее Средневековье появились парафиновые свечи. Современные же промышленные разработки нефтяных месторождений начались в 30-е годы XX в. В последнее время быстрыми темпами растет число атомных электростанций. Кроме того, в Китае сосредоточены огромные гидроэнергетические ресурсы и построено несколько крупных гидроэлектростанций.

Богат Китай минеральными ископаемыми. Повсеместно – но главным образом на севере и северо-востоке – имеются залежи железной руды, из которой китайцы уже в середине I тысячелетия до н. э. научились выплавлять высококачественное железо. Широкое применение в быту имели также медь и драгоценные металлы – серебро и золото, традиционно добываемые в горах Шаньдуна и Северо-Запада.

Из драгоценных и полудрагоценных камней больше всего китайцы ценили яшму, в их представлении – самый «одухотворенный» камень и символ державной власти. Широко известны также китайская бирюза и сапфиры. В горах Юго-Западного Китая издавна велась добыча мрамора и других декоративных камней (для строительства мрамор в Китае не использовали).

Соль в Китае с древности добывали двумя способами: из морской воды и из соляных колодцев. Первый способ распространен на морском побережье, второй – в провинции Сычуань, где уже в начале нашей эры имелись колодцы глубиной до 250 м.

Сельское хозяйство

Типы земледелия

Китай – страна высокоразвитой земледельческой культуры. Возникшая за четыре тысячелетия до нашей эры традиция китайского земледелия непрерывно совершенствовалась, но к середине II тысячелетия н. э. практически исчерпала возможности для своего развития в доиндустриальную эпоху. Профессия же земледельца всегда была окружена (хотя бы на словах) большим почетом. «Среди 72 занятий народа землепашество над всеми царствует», – гласит китайская поговорка.

Около 90% сельскохозяйственных угодий Китая занято под зерновые, причем общая площадь земель, пригодных для обработки, не превышает 20% территории страны.

Исторически в Китае сложилось несколько типов пашенного земледелия, соответствующих климатическим условиям отдельных регионов. Можно выделить шесть типов:

1. *Зона яровой пшеницы и других зерновых.* Эта зона в основном совпадает с территорией Северо-Восточного Китая, где наблюдаются холодные зимы с обильными снегопадами. Пшеница высевается здесь в апреле, после того как оттаяла почва. В этом районе вегетативный сезон длится лишь около пяти месяцев, так что в году собирается один урожай. Наряду с пшеницей в Маньчжурии выращивают соевые бобы, просо, гаолян (вид сорго, известный в Китае с XIII в.), овес, ячмень, завезенную из Америки кукурузу. Посевы соевых бобов – главного сырья для соевого соуса, соевого творога и других крайне важных в рационе китайцев продуктов – занимают наибольшую территорию и составляют около четверти всех посевов сои в стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.